

INSPIRIA

Вондра
Чхан

Сонджу

О смелости
быть собой в эпоху
перемен

INSPIRIA

Loft. Женский голос

Вондра Чхан

Сонджу

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Чхан В.

Сонджу / В. Чхан — «Эксмо», 2023 — (Loft. Женский голос)

ISBN 978-5-04-195592-2

Дебютный роман Вондры Чхан о внутренней трансформации корейской девушки в тяжелые военные времена и проверке ее принципов на прочность. Сонджу 19 лет, и она восхищается западным способом мыслить и строить жизнь, поэтому хочет выйти замуж за своего друга детства Кунгу, которого любит, продолжить образование и быть с партнером в равных правах. Но родители выдают ее за человека с традиционалистскими ценностями. Несмотря на то что девушке удастся принять такой уклад и подстроиться, ее внутренние стремления вспыхивают с новой силой, когда в ее жизни появляется дочь Чинджу, которую она хочет вырастить независимой женщиной. Сонджу предстоит пройти путь общественного осуждения и ломки прежних представлений...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-195592-2

© Чхан В., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Что говорят о «Сонджу»	6
Часть 1	7
Сеул. 1946 год	7
Маари. 1947 год	12
Банный день	16
Холм	22
Горе свекрови	27
Посев риса, осенний урожай	33
Поездка первой сестры. Осень 1947 года	38
Первые выборы. Май 1948 года	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вондра Чхан Сонджу

*Посвящается моим родителям,
Чхан Рак Чхину и Ён Ёсун*

Wondra Chang
SONJU

© Рэд Л., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Что говорят о «Сонджу»

«Одна из многочисленных трудных задач феминизма – это потребность выразить его в искусстве, не поддаваясь искушению слишком упростить или, напротив, чересчур приукрасить эволюцию целого движения, рассказывая истории отдельных женщин в рамках окружающих их социально-культурных реалий. Когда большинство читателей незнакомо с этими реалиями, всё становится ещё сложнее. “Сонджу”, впрочем, прекрасно с данной задачей справляется.

Роман “Сонджу” пропитан правдой и реализмом. У читателя не вызывает сомнений строгость культуры или преданность этой культуре главной героини. Читатель восхищается маленькими, но уверенными шагами, которые Сонджу и Корея делают вместе. Это и правда уникальная история – незабываемая и дарящая глубокое удовлетворение».

Кэтрин Берк, автор книг The Hostage, The Suppliant, The Hunter и The Good Kinsmen

«Вондра Чхан радуется истории семьи, любви и поисков счастья. Эта книга – настоящее путешествие, наполненное любовью, трагедией и интригами. Наслаждайтесь».

Хосе Антонио Родригез, автор This American Autopsy

«Чхан одарила нас эпической историей, пульсирующей жизнью, лихорадочной от тоски, сияющей надеждой и пропитанной человечностью. Этот стиль письма и повествования надолго останется в вашем сердце и душе и проникнет в кости».

Брайан Петкаш, автор Mistakes by the Lake

Часть 1

Сеул. 1946 год

При виде двух высоких американцев в военной форме, идущих к Центральной резиденции правительства Кореи, сердце Сонджу забилося быстрее. Через месяц после сброса Америкой атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки одна из её одноклассниц, японка, пришла попрощаться, и они плакали вместе. Это было уже больше года назад. Сонджу снова взглянула на широкие спины американцев впереди. Затем свернула налево и пересекла бульвар. Крепче сжав в руке мыслекамень, она прибавила шаг. Сухой ноябрьский воздух царапал горло, из рта вырывались белые облачка пара. Восьмой дом от угла, в традиционном стиле и недавно побелённый, сказала ей Мису. После четвёртого стука лакированные деревянные ворота слегка приоткрылись, и в проём выглянула молодая служанка.

– Я подруга хозяйки, – сообщила Сонджу.

Служанкапустила её, и Сонджу прошла во двор, а оттуда – в дом. Служанка пронеслась мимо, опережая её, кивком указала в сторону гостиной и торопливо объявила в дверях:

– К вам посетительница, госпожа.

Мису открыла узорчатую стеклянную дверь. На её лице тут же расцвела улыбка – как первый подснежник после долгой зимы.

– О, это ты!

Взяв Сонджу под руку, она прошла с ней в комнату. Длинное атласное платье шелестело при каждом шаге. В супружеской спальне у Мису всё было новым и сверкало чистотой: традиционно покрытый промасленной бумагой пол, шкаф с двойными дверцами у стены и четыре напольных подушки рядом, аккуратно сложенные в стопку. У другой стены на низком комодестояли три бело-синих фарфоровых изделия. В одном из них, как драгоценность, лежал мыслекамень Мису. Кунгу, Мису и Сонджу каждый взяли по маленькому плоскому камушку в церковном саду, когда ещё ходили в начальную школу, и называли их «мыслекамни».

Сонджу сняла пальто и перчатки. Опустившись на подушку, она взглянула на цветы, вышитые на розовой юбке Мису, затем кинула быстрый взгляд на собственную юбку – простую серую, шерстяную.

– Ты вся светишься, Мису. Замужество тебе к лицу.

Вишнёвые губы Мису сложились в улыбку. Узкие глаза сверкнули. Однако, изучив лицо Сонджу, она тут же перестала улыбаться.

– Что-то случилось?

Сделав глоток горячего ячменного чая, Сонджу сказала:

– Сегодня утром матушка объявила, что моя сестра помолвлена. Свадьба в апреле. Она сказала, что её дочери должны выходить замуж в порядке старшинства, – она провела пальцами по подушке. – Я ещё не готова.

– А когда ты будешь готова? Тебе ведь почти двадцать.

– Ты тоже следишь за моим возрастом? – Сонджу мысленно поморщилась от того, как напряжённо прозвенел её голос. Добавила уже мягче: – Я хочу выйти за Кунгу.

Затем она спросила:

– Что мне делать?

Брови Мису взлетели.

– Замуж за Кунгу? – Она устало вздохнула. – Надо было прекратить с ним видеться ещё в средней школе. Не просто так мальчиков и девочек начинают учить отдельно в этом возрасте.

Сонджу хотела сказать что-нибудь столь же снисходительное в ответ, но вместо этого возразила:

– Но мы не прекратили. Мы втроём поклялись на мыслекамнях, что будем дружить всю жизнь. Я ведь уже говорила, когда мне исполнилось двенадцать, что не собираюсь бросать дружбу с Кунгу только потому, что якобы «выросла».

– Повезло, что нас ни разу не застукали с ним. Но брак? – Мису покачала головой. – Ты же не настолько безрассудна?

При чём тут безрассудство? Сонджу сделала глубокий вдох и напомнила себе: терпение, терпение.

– А ещё я говорила, что если бы ты родилась в такой же семье, как он, мы всё равно стали бы лучшими друзьями.

Некоторое время Сонджу наблюдала, как Мису нервно теребит нижнюю губу. Затем сказала:

– Мису, это ведь моя жизнь. Не матушки и не чья-то ещё. Выбор должен быть за мной. В отличие от наших родителей, мы с тобой получили хорошее образование, а не изучали эту степенную философию конфуцианства. Мы годами говорили о том, как вести современный образ жизни.

– Только вы с Кунгу говорили об этом.

Всё-таки зря она пришла. Раздавленная её ответом, Сонджу попыталась снова:

– Мы с Кунгу понимаем друг друга. Мы столько всего хотим сделать вместе. Мы станем в браке партнёрами с равным правом голоса. Как я могу от него отказаться?

Мису наклонила голову вбок.

– Твои родители ни за что не одобряют этот брак.

Сонджу уже почти два года сопротивлялась попыткам матери выдать её замуж.

– Мне нужен только ещё один год, – сказала она. – К тому времени Кунгу окончит университет и у него будет надёжная работа. Тогда мы сможем пожениться. Даже если мне придётся сбежать с ним из дома.

На самом деле она уже думала о том, чтобы уйти из дома на этот год, но куда бы она пошла? Как бы зарабатывала на жизнь?

Мису сказала:

– Ты *не можешь* сбежать с ним. Что станет с твоей семьёй?

Сонджу хотела спросить, что станет *с ней самой*, если она не выйдет за Кунгу, но сказала только:

– Я пришла, чтобы ты помогла мне придумать, как отговорить мать.

Она поднялась на ноги. Теперь у неё не оставалось выбора: придётся просить мать напрямую.

Следующим утром Сонджу сидела на коленях напротив матери. Та была в традиционной корейской одежде, с волосами, собранными на затылке в строгий пучок заколкой из лавандового нефрита. Сонджу посмотрела на свою безупречно одетую мать и в очередной раз поразились тому, как они похожи и различны одновременно.

Её мать сидела за низким столиком, изучая бухгалтерскую книгу. Спина прямая, губы поджаты, взгляд сосредоточен на грассбухе, а не бегают по помещению. Сердце Сонджу трепетало от мысли о том, что она собиралась попросить у этой стальной дисциплинированной женщины, такой сдержанной, что даже капля крови не выступила бы у неё на коже, если бы кто-то уколол её булавкой.

Когда ей было пять, Сонджу узнала, что не все матери такие. Однажды она пришла в гости к Мису и увидела, как ее мать расчёсывает дочери волосы, говоря с ней при этом тихим мягким голосом. Закончив, она коснулась щеки Мису и улыбнулась. Вернувшись домой, Сонджу взяла

расчёску и попросила мать расчесать её. Мать посмотрела на расчёску, затем на дочь с явным упреком. В этот момент сердце пятилетней Сонджу разбилось. Опустив голову, она вернулась к себе в комнату, как побитая собака. Тогда она решила: больше она в матери нуждаться не будет.

А теперь ей необходимо умолять её подождать ещё год.

– Прошу прощения, матушка. Я должна тебе кое-что сказать.

Её мать медленно подняла голову и посмотрела на Сонджу.

Сонджу сделала вдох. Ещё один, и ещё. Затем тяжело сглотнула и сделала ещё один глубокий вдох.

– Я хотела бы подождать год и выйти замуж за моего знакомого, студента Сеульского национального университета.

Собственный голос звенел в ушах. Она правильно произнесла эти слова? Сонджу вздохнула снова. Как животное, столкнувшееся с хищником, Сонджу сидела неподвижно и ждала, пока мать нападёт.

После долгого молчания мать спросила:

– Откуда ты знаешь этого человека?

– Я знаю его с семи лет.

– Почему ты мне о нём не говорила?

– Потому что я знала, что ты не одобришь.

– Почему я его не одобрю?

– Он рос без отца и в бедной семье.

Мать продолжала молча на неё смотреть. Сонджу знала, что это значит. Придётся рассказать больше. В животе с каждым вдохом оседала тяжесть.

– Он живёт с матерью в доме своего дяди.

Мать продолжала смотреть. Сонджу сдалась.

– Его дядя – торговец.

– Тогда ты знаешь, что брак с ним для тебя невозможен. С этого дня тебе нельзя покидать дом без сопровождения.

Сонджу подалась вперёд.

– Ни с кем другим я не буду счастлива. Он выпустится через год. Он будет успешным банкиром. Вот увидишь. Пожалуйста, матушка, позволь мне подождать!

– Ты опозорила семью?

– Нет, матушка.

В тот же миг она поняла, что совершила ошибку: ответ «да» заставил бы мать засомневаться в своём решении. А теперь её многообещающее будущее было стёрто. Сонджу обмякла: у неё не осталось сил.

Её мать хлопнула бухгалтерскую книгу.

– Этот разговор закончен.

Сонджу вздрогнула. Слова ударили её, как острый ледяной осколок. И всё же её охватила ярость. «Я ненавижу её», – думала она, возвращаясь к себе в комнату.

Если бы она только ответила «да»... Это могло бы изменить всю её жизнь.

Вскоре её мать начала приглашать в дом профессиональных брачных посредников. Всего через шесть дней она уже нашла подходящую кандидатуру: студента инженерного факультета в Сеульском национальном университете.

– Через четыре дня у тебя смотрины, – сказала мать, войдя в её комнату. – У него богатая и уважаемая семья. Они живут в провинции Чхунчхон-Намдо.

– К чему такая спешка?

– Чем скорее, тем лучше. Чем дальше, тем лучше.

Сонджу поняла: мать хотела изгнать её. Рыдания вырвались у неё из груди: она плакала, закрыв лицо руками. В следующее мгновение она услышала, как мать поднялась и вышла из комнаты – по спине прошёлся поток холодного воздуха.

Несмотря на то, что все эти годы она твердила себе, что не нуждается в матери, её бурная реакция говорила об обратном. Она была бессильна. Сонджу плакала от стыда, пока не уснула.

На следующее утро отец позвал её в мужскую часть дома и объявил:

– Студент инженерного факультета – отличный вариант. Сваха сказала твоей матери, что он происходит из прогрессивной семьи. С ним ты наверняка будешь счастлива.

Вот так её отец сказал своё слово.

Вернувшись в комнату, она села, прислонившись к стене, и уставилась в пустоту, абсолютно неподвижная. За окном на ветке без листьев висел ярко-оранжевый плод хурмы. Коричневая птица прилетела откуда-то и села на ветку. Хурма упала.

Сонджу знала, что её ждёт. То же, что ждало всех женщин после свадьбы – бесконечное послушание мужу и его семье. О послушании она знала не понаслышке. В пятом классе учитель японского ударил её по рукам бамбуковой тростью перед всем классом лишь за то, что она ответила ему на корейском вместо японского. Два быстрых удара обожгли ладони. Когда она попыталась сжать руки, пальцы согнулись только наполовину. Закусив губу, она заставила себя не плакать. Пока она шла на место, одноклассники-корейцы опускали глаза, избегая её взгляда. В горле встал ком. Сев на место, она выпрямила спину и с вызовом вздёрнула подбородок, не отрывая взгляда от учителя. Под столом она яростно тёрла мыслекамень в кармане, остро чувствуя каждый потревоженный нерв в распухшей ладони. Она хотела запомнить эту боль. Она хотела запомнить этот гнев. Начиная с этого семестра, она превзошла всех японских учеников в классе в каждом школьном предмете.

Доказать, что она ничем не хуже японцев, было легче, чем бросить вызов собственной матери. И всё же, оглядываясь назад, она осознала, что бросала этот вызов в течение многих лет, пока мать об этом даже не подозревала: в церковном саду, окружённом стеной, под деревом стояла длинная скамейка. Они с Мису нашли этот уголок однажды после школы, когда гуляли довольно далеко от дома. Место было тихим, туда почти никто не ходил, кроме улыбчивого светловолосого священника. Дорожки, вымощенные кирпичом, были всегда чисто подметены, а вечнозелёные кустарники круглый год пестрели разными цветами. Однажды в саду появился мальчик. Он приходил почти каждый день, так что они втроём быстро стали друзьями. Он был всего на год старше и помогал Сонджу и Мису с домашней работой. Они играли в игры и болтали, а потом шли домой. Это была самая счастливая часть её школьных будней.

В день смотрин мать вошла в комнату, проигнорировала заплаканные глаза Сонджу и велела ей переодеться в традиционное корейское платье. Безапелляционно заявила:

– Ты выйдешь за этого человека. Его семья владеет обширными фермерскими угодьями, а все сыновья получили университетское образование.

Когда мать ушла, Сонджу очень старалась не расплакаться. Она начала считать про себя, меряя комнату шагами и периодически спотыкаясь о длинную юбку. Когда она почти досчитала до четырёх тысяч, мать послала за ней.

Сонджу вошла в кабинет матери и села на колени, опустив глаза. Мать предполагаемого жениха наблюдала за каждым её движением. Она велела Сонджу повернуть лицо сначала в одну сторону, потом в другую, как будто рассматривала товар на полке. Затем она кивнула матери Сонджу в знак одобрения.

Вернувшись в комнату, Сонджу села в самом дальнем от двери углу и обняла колени, раскачиваясь взад-вперёд. Как она будет жить без Кунгу? Все её мечты и планы на будущее включали Кунгу. Закрыв глаза, она вспомнила их первую встречу в восемь лет – и каждый

его жест, каждую улыбку, которую видела с тех пор. Она представила его длинные пальцы, широкий лоб и мягкий рот, вспомнила его глаза, в которых без всяких слов читались его мысли и чувства. Будто наяву она услышала его спокойный голос – то, как медленно, вдумчиво он произносил слова, и его тихий смех. Она так его любила!

Но её мечты и планы начались задолго до него. Однажды она увидела, как её японские одноклассники разглядывают страницу журнала и хихикают. Когда она спросила, можно ли и ей посмотреть, один из них велел ей самой сделать копию и указал куда-то вправо. В трёх кварталах от школы она обнаружила маленький книжный магазин, где её поприветствовал на японском мужчина средних лет. Она схватила журнал с фотографией американцев: на переднем плане был изображён улыбающийся мальчик, с обожанием смотревший на девочку. На следующей странице были фотографии танцующих мальчика и девочки. Они выглядели настолько счастливыми и беззаботными, что Сонджу сказала себе: её будущее тоже может быть таким.

На шестой день после смотрин родители объявили дату свадьбы: двадцать пятое февраля, за два дня до её двадцатилетия. Она снова вернулась в угол своей комнаты и заскулила, как побитое животное. Заперлась и отказалась присоединяться к сестре и брату за обедом, так что служанке пришлось поставить поднос с едой рядом с её дверью.

Она вспомнила, как впервые почувствовала любовь. Ей было пятнадцать. Они сидели с Кунгу на скамейке в саду. Она показала ему статью в японском журнале и дала прочитать.

– Ты уже прочитал ту часть, где говорится, что американцы сами выбирают себе супругов?

Он кивнул.

– Это ведь отличная идея! – сказала она, улыбаясь. – В таком случае я выбираю в супруги тебя, Кунгу.

Его ответ удивил её:

– И я выбираю в супруги тебя, Сонджу.

Они посмотрели друг на друга, краснея. По пути домой в тот день она закусил губу, обнимая себя за плечи в попытках сдержать свою радость. Проходили дни и недели, и её воображение всё распалялось. Однажды ночью она смотрела на лунные лучи, падающие в окно, и представляла, что стоит в этом тусклом свете в роскошном зелёном саду. Кунгу шёл к ней, обдавая её ароматом лёгкого летнего бриза. Она подошла к нему. Белые лепестки цветов поблёскивали в свете луны, как серебро. Тогда Кунгу посмотрел ей в глаза и обнял. С тех пор каждую ночь она снова и снова думала об этой картине, обнимая себя и представляя себя в объятиях Кунгу.

От мечтаний её отвлёк звонкий голос младшего брата, раздавшийся со двора:

– Матушка, значит, семья нашего зятя выращивает рисовые деревья?

«Зятя»? Сонджу резко выпрямилась. Она услышала, как мать хмыкнула в ответ:

– Рис не растёт на деревьях, это трава. Ты ешь рис трижды в день всю свою жизнь и даже не знаешь, откуда он берётся.

Сонджу сжала мыслекамень в руке до побелевших костяшек пальцев.

Маари. 1947 год

Когда поезд остановился, железные колёса заскрежетали о рельсы, как будто отказываясь тормозить. Одной рукой Сонджу поправила традиционный головной убор, а другой приподняла сверкающий церемониальный плащ и платье, вставая на ступеньку на выходе из поезда. Жар двигателя и едкий запах жжёного угля заставили её помедлить и отвернуться. Мать потопила её:

– Это короткая остановка.

В тот момент, когда ноги Сонджу коснулись земли, двое мужчин в традиционных одеяниях подбежали к ней со свадебным паланкином на плечах и присели в нескольких метрах от неё. Паланкин был расписан драконами с открытыми ртами и красными языками: эти драконы как будто выпрыгивали из пятен зелёной, синей и золотой краски. Благословение на удачу? Больше похоже на угрозу, подумала Сонджу про себя.

Она увидела дюжину деревенских женщин в длинных корейских платьях, и прежде чем она успела перевести дыхание, сильные руки подхватили её с каждой стороны, проводив к узкой двери паланкина. В тесной повозке Сонджу поправила своё объёмное платье и подумала о том, как же всё это странно. В Сеуле вместо раскрашенного ящика невесту бы вёз арендованный блестящий чёрный седан. Казалось, она участвует в какой-то пьесе о старой Корее, вот только всё происходило в действительности. По сигналу одной из женщин главный носильщик гаркнул:

– Раз... два...

На счёт «три» паланкин подняли. С каждым шагом носильщиков по крутому склону его подбрасывало и раскачивало. Сонджу вдавила пальцы ног в пол изо всех сил, чтобы не крениться вперёд. Она держала голову скромно опущенной и следила за выражением своего лица, а также избегала смотреть прохожим в глаза – даже смеющимся и скачущим деревенским детям, следующим за паланкином.

По левую сторону от себя на неровной земле Сонджу заметила участки заледенелого снега – последние следы зимы, которые не удалось пока победить солнечным лучам. Вокруг, сколько хватало взгляда, простирались только пустые, безжизненные фермерские угодья. Ни магазинов, ни рынков, ни офисных зданий, ни мощёных дорог. Неужели именно этого хотели её родители для своей дочери? Разве они не понимали, что это неправильно? Тогда она вспомнила: они пытались таким образом держать её подальше от Кунгу. Сонджу сжала зубы.

Участники свадебной процессии, следующей за паланкином, приглушённо переговаривались. Время от времени Сонджу слышала отчётливый сеульский акцент своей матери. Сонджу смотрела на сцепленные перед собой руки. Месяц назад сестра проводила её до букинистического магазина, в котором она часто встречалась с Кунгу ещё в школе. Она надеялась увидеться с ним там и попрощаться, но после получаса ожидания попросила владельца магазина передать ему записку. Даже сейчас образ Кунгу с её запиской в руке вызывал ком в горле.

Паланкин, подпрыгивающий и наклоняющийся то в одну сторону, то в другую, вынесли на широкую грязную дорогу, затем внесли на холм и поднялись с ним до большого внешнего двора на высоком плато. В конце двора стоял дом с несколькими бумажными дверями и длинным узким крыльцом. Пока паланкин несли к дому, запахи мяса, курицы, рыбы, овощей и риса на пару становились всё сильнее.

– Невеста здесь! – закричал мальчик, промчавшийся через открытые ворота из тёмного дерева.

Несколько людей выглянули из-за двойных ворот, ещё прежде чем паланкин достиг внутреннего двора. Люди теснились вокруг, как сельди в бочке. Они толкались, вытягивали шеи и перешёптывались на тягучем центральноюжном диалекте:

- Современная женщина из Сеула, как я слышала. Из янбан¹.
- Аристократка, значит?
- Надеюсь, эта городская не так высокомерна, как сам знаешь кто.
- Как думаешь, она красивая?
- Я бы сказала, у неё необычная красота. Большие глаза, тёмные брови, густые ресницы.
- Прямой нос с высокой переносицей, широкий рот и квадратная челюсть.
- Знаешь, как говорят: у женщин с высокой переносицей – сложная судьба.
- Тише! Сегодня ведь её свадьба.

Когда паланкин остановился в центре двора, две женщины в одинаковых синих шёлковых платьях вышли из толпы и помогли Сонджу сойти на землю. Сонджу подняла дрожащие руки в традиционном жесте невесты – правая рука поверх левой, ладонями вниз, правый большой палец слегка касается лба. Перед входом в здание все трое сняли обувь, после чего женщины проводили Сонджу в переднюю, где стояло множество людей. Толпа разошлась в стороны, Сонджу и две женщины прошли к середине большой гостиной. Она мало что видела, кроме мысков своих украшенных вышивкой мягких туфель под длинной красной юбкой. Женщины подвели её к свадебному столу, и одна из них велела ей опустить руки на пояс. Всё ещё не поднимая взгляда, она вдруг обнаружила, что стоит рядом с женихом перед полной комнатой старых людей в традиционной одежде. Они сидели в ряд, скрестив ноги, и наблюдали.

С другой стороны от жениха над комнатой разнёсся громкий голос:

– Свадебная церемония начинается! Невеста должна поклониться жениху дважды. Жених должен один раз поклониться невесте.

Она опустилась на пол в формальном поклоне. Поднявшись, она бросила быстрый взгляд на жениха в насыщенно-фиолетовом одеянии и чёрном головном уборе. У него было мальчишеское гладко выбритое чистое лицо с коротким носом и острым подбородком. Он был приземистым – ненамного выше её самой. И он был для неё незнакомцем.

Как было велено, они с женихом встали бок о бок и поклонились его родителям, её родителям и другим родственникам в первом ряду. Затем голос велел выйти вперёд двум женщинам.

– Теперь невеста поклонится своей первой невестке, вдове старшего сына. Отныне она станет твоей Первой Сестрой. Затем она поклонится второй невестке, жене старшего из выживших сыновей Второго Дома. Отныне она станет твоей Второй Сестрой.

Встав на колени для поклона, Сонджу взглянула на старшую невестку, чьё землистое лицо, казалось, никогда не знало улыбки. Это была худая высокая женщина за тридцать с традиционной для замужних женщин причёской – волосы гладко зачёсаны спереди и забраны в низкий тугой пучок. Все деревенские женщины, которых Сонджу видела по пути, носили такие же причёски, за исключением младшей невестки, у которой была короткая стрижка до подбородка.

Когда с поклонами было закончено, Сонджу официально стала членом семьи Мун. Начиная с этого момента, её будут звать Женой Такого-то Мужа, Невесткой Такой-то Свекрови и, в конечном итоге, Матерью Такого-то Ребёнка, но никогда – Ё Сонджу. Она стала всего лишь приложением к другим людям без собственной личности.

Хотелось расплакаться. Она почувствовала рядом движение: люди вокруг вставали и садились обратно. На столы приносили еду. Перед каждым присутствующим ставили тарелки и миски. Щёлкали палочки для еды и звенели ложки. Какие-то женщины пытались убедить её поесть, но поскольку Сонджу была невестой, в основном её не трогали. Убаюканная нестройными голосами и смехом наряду с запахами людей, еды и алкоголя, она размышляла о том,

¹ Янбан – дворянское сословие (примечание редактора).

как сильно её жизнь будет отличаться от того, что она себе представляла, и каково ей будет находиться вдали от всех событий в Сеуле.

Вероятно, прошло несколько часов, потому что дневной свет начал тускнеть. Кто-то уже кланялся и прощался, когда родители Сонджу тоже встали, чтобы уйти. Она стояла в передней и смотрела, как они прощаются. Её мать бросила на неё единственный взгляд, повернулась спиной, дотронулась до своей нефритовой заколки в волосах – и вскоре исчезла, пройдя через сад и двойные ворота. Сонджу подумала: родители бросили её, как ненужный багаж, оставив в гостях у незнакомцев. Какой стыд! Ярость затмила даже чувство страха, боли и тоски.

Закусив губу, она вернулась на своё место в комнате, где гости разговаривали друг с другом. Она опустила взгляд на горы и долины блестящих атласных складок своей юбки и подумала о простых временах, когда она дружила с Мису и Кунгу. В средней школе она однажды спросила Кунгу, лгал ли он когда-нибудь своей матери. Он ответил:

– Нет. Она говорит, что нужно иметь смелость всегда оставаться честным и действовать в соответствии с совестью. Только тогда в конце жизни у меня не будет сожалений.

В тот день, глядя на юношу, который никогда не лгал, Сонджу пообещала себе, что больше не соvrёт снова. Она хотела стать достойной его дружбы. И вот к чему это её привело: её брак – сплошное надувательство. Ей придётся лгать, если её спросят, почему она вышла замуж за человека гораздо ниже своего статуса и живущего так далеко от Сеула. Она снова разозлилась на мать за то, что та поставила её в такую ситуацию.

Внезапно её плеча кто-то коснулся – она чуть не подпрыгнула от неожиданности. Оказалось, Сонджу не заметила, что уже стемнело, а комната почти пуста.

– Ты, наверное, ужасно устала, – Вторая Сестра улыбнулась и помогла Сонджу встать.

Сонджу проследовала за ней в другую комнату, где под низко висящей лампочкой лежал белый хлопковый матрас – так называемый *йо*. Сонджу отвернулась от кровати к противоположному концу комнаты, где у стены стоял большой шкаф и два одинаковых свадебных сундука, которые её мать прислала сюда неделей раньше.

Невестка помогла ей снять головной убор и верхнее одеяние. Когда Сонджу поблагодарила её, от долгого молчания собственный голос застрял где-то в горле и прозвучал чуждо. Поколебавшись, она сглотнула и, взглянув на невестку, спросила:

– Что дальше?

Бросив быстрый взгляд на Сонджу, Вторая Сестра ответила с улыбкой:

– Твой муж скоро придёт, – она показала на подушку на полу. – Можешь подождать здесь.

Сонджу медленно села на подушку рядом с красным одеялом. Мать столько говорила о браке – но так и не сказала ей, чего ожидать в первую брачную ночь. Взглянув на *йо*, затем на невестку, она спросила снова, на этот раз с лёгкой дрожью в голосе:

– Что дальше?

Брови женщины на долю секунды удивлённо взлетели вверх. Затем она запоздало улыбнулась.

– Согласно традиции, в первую брачную ночь муж разденет тебя. Будет кровь – знак того, что ты девственница и брак consummated.

Почему у неё должна пойти кровь? Месячные закончились две недели назад. Неужели свадьба в этой деревне включала в себя какой-нибудь ритуал с порезами? Её дыхание участилось. Прежде чем Сонджу успела спросить, Вторая Сестра сказала:

– Я постелила для тебя дополнительную простыню на *йо*. Испачканную простыню желательно сохранить: наша свекровь может спросить о ней, – на мгновение она сжала ладонь Сонджу. – У тебя руки дрожат. Я бы побыла с тобой ещё, но, думаю, твой супруг уже ждёт.

Она отвернулась и прошла к двери.

Сонджу впила ногти в свои ладони, чтобы руки прекратили трястись, и сделала глубокий вдох, затем медленно выдохнула. Невестка помедлила, взявшись за ручку двери. Потом ушла, напоследок оглянувшись через плечо.

Вскоре после этого Сонджу услышала, как мужчина у двери прочистил горло. Жених в своих голубых мешковатых штанах, завязанных на щиколотках, прошёл в комнату, уже без верхнего одеяния и головного убора, который был на нём раньше. На ярко-синем жилете над голубой рубашкой виднелись четыре янтарные пуговицы, блестящие на свету с каждым его шагом. Сняв жилет, он неловко улыбнулся, а потом выключил свет. Сел на *йо*, притянув Сонджу к себе. Хватка у него была сильная – на мгновение она испугалась. Он начал распутывать завязки на её свадебной блузке и юбке – сначала на верхних, потом на нижних. Она осталась в одном белье. Он уложил её на матрас и стал возиться в темноте с оставшимися завязками. Отпрянув от его прикосновения, она прикрыла грудь одеждой.

Он прошептал:

– Иди сюда.

Прижав её к груди, он снова занялся её нижним бельём. Она оттолкнула его руку.

– Прошу, не надо.

– Так положено людям в браке, – ответил он. – Просто... лежи смирно.

Развязав её нижнюю рубашку, он потянул ткань вверх. Она опустила её вниз. Дыхание его было жарким и влажным. Он развязал завязки на своём и на её белье, затем задрал её нижнюю юбку до пояса и стянул с неё трусы. Она согнула колени, но он заставил её выпрямить ноги. Затем он навис над ней, повозился и развёл её бёдра ладонью. Его плоть коснулась её плоти. Она ощутила давление – и резкую боль. Беззвучно ахнув, она вцепилась в *йо*.

Он толкался, кряхтел, толкался, кряхтел, и так далее, снова и снова. Потом застонал и перестал двигаться. Наконец он скатился с неё на матрас. Густая жидкость текла у неё по бёдрам на простыню. Так много крови. Наверное, он порвал её изнутри. И этот запах мужчины совсем рядом, такой горький и непривычный – это было невыносимо. Она вытерла кровь простынёй и сдвинулась на самый дальний край *йо*, поспешно натянув бельё. Отвернувшись на бок, она тихо плакала, потому что не смогла его остановить. Потому что не смогла остановить свою мать.

Они молчали полчаса или больше. Ни один из них не двигался. Затем его рука схватила её за плечо и перевернула её на спину. Он снова навалился на неё. Она просто лежала – тело её было напряжено, а руки сжаты в кулаки. Снова пришло давление.

– Больно!

Вскрикнув сквозь зубы, она села и почувствовала, как он придвигается ближе с протянутой рукой. Она отодвинулась, поправила своё бельё и завязала шнуровку на несколько узлов сразу. Подождала, пока он перестанет двигаться. Легла обратно на край *йо*, повернувшись к мужу спиной: между ног пульсировала боль. Она закрыла глаза и представила Кунгу в лунном свете, в саду, почти наяву ощутив его запах, который всегда напоминал ей о раннем лете. Её муж храпел. Чувствуя его на расстоянии вытянутой руки, она задумалась, насколько аморально думать о другом, когда её муж так близко.

Но что ещё оставалось у неё теперь своего?

Банний день

На следующее утро Сонджу, проснувшись, обнаружила, что всё ещё судорожно цепляется за своё нижнее бельё. Она села, отвернувшись от *йо*, и, подтянув колени к груди, поморщилась от пульсирующей между ног боли. Одеядо зашуршало. Она оглянулась через плечо и встретила с оценивающим взглядом мужа.

– Ты рано проснулась.

Он сел, потягиваясь и улыбаясь, как будто между ними ничего не произошло. Когда он упёрся ладонью в *йо*, чтобы встать, она отвернулась. Чувствуя его взгляд спиной, она сжала в кулаке ткань своего белья спереди. Слушала, как он одевается.

Прежде чем выйти из комнаты, он сказал:

– Дорогая, я пойду умоюсь. Потом я буду завтракать с отцом на мужской половине дома. Когда будешь одета и готова, мы вместе поклонимся моим родителям.

Ласковое обращение – так скоро, хотя они были практически незнакомцами... Вспомнив прошлую ночь, она закрыла глаза в отвращении. Как только дверь за ним закрылась, Сонджу приподняла край одеяла. На неё с белой простыни смотрело большое пятно засохшей крови с коричневатыми краями: знак того, что она сломана и никогда уже не будет прежней. Она сложила простыню и положила её в шкаф, гадая, все ли её ночи теперь будут такими же ужасными, как предыдущая.

Через несколько минут служанка принесла таз с тёплой водой и мочалку. Вымывшись, Сонджу переделась в синюю атласную юбку и жёлтую атласную блузку с высокой талией. Она открыла обклеенные бумагой двери и вышла на веранду. Перед ней был коричневый сад с дорожкой, а за ним – низкий холм. Где-то неподалёку младшая невестка говорила служанке следить, чтобы дети не заходили в дом. Вернувшись в спальню, Сонджу села на матрас, ожидая, пока кто-нибудь скажет ей, что делать дальше. Она смотрела на двери и окна, через которые лился утренний свет: выстеленный бумагой пол отсвечивал жёлтым. Свежие обои со светло-розовыми цветами казались ей чересчур оптимистичными.

Служанка принесла небольшой столик для завтрака. Сонджу поела немного говядины и редисового супа с рисом.

Когда она закончила, в комнату вошла Вторая Сестра и спросила с улыбкой:

– Как ты себя чувствуешь?

Эта невысокая красивая женщина с безупречной кожей и тонкими чертами лица, казалось, всегда улыбалась. Сонджу сжала руки на коленях и ответила:

– Я в порядке. Благодарю.

– Твой муж и его родители закончили завтракать. Я провожу тебя на мужскую половину дома, если ты готова. Каждое утро нужно кланяться родителям вместе с мужем. Так положено.

– Каждое утро?

– Пока твой муж не вернётся в университет.

На мужской половине свёкры Сонджу сидели рядом. Она впервые видела их так близко: оказалось, что муж унаследовал от матери короткий нос и острый подбородок, а от отца – плавные скулы и большие глаза, хотя улыбка, сиявшая в его глазах, была его собственной. После поклона Сонджу свёкор сказал:

– Мы так рады, что ты здесь. Знаю, тебе, наверное, сложно привыкнуть к деревне после большого города. Твои невестки помогут тебе приноровиться.

Свекровь добавила:

– Повторяй за ними и учись тому, как управлять хозяйством. Пока твой муж не выпустится из университета и не начнёт работать, ты останешься здесь.

Сонджу, вероятно, выглядела ошеломлённой, потому что муж повернулся к ней:

– Я постараюсь приезжать домой на выходные, – сказал он так, будто делал своим приездом ей одолжение. Всё ещё глядя на Сонджу, он сказал родителям: – Мы вас оставим. Скоро придут гости.

В спальне он, сверкнув улыбкой, схватил Сонджу за руку, притянув к себе. Она быстро отвернулась и, высвободившись, отошла на несколько шагов. Он усмехнулся, как будто её реакция его забавляла. Продолжал её разглядывать.

– Мне нравится, как ты выглядишь и как ты двигаешься.

Ей было всё равно. Она хотела только, чтобы он оставил её в покое. Сонджу вышла через веранду во внутренний двор и пришла к большой кухне, где обе невестки готовили. Они не замечали её, пока она стояла в дверях.

– Я могу чем-то помочь, пока гости не пришли? – спросила Сонджу.

Младшая невестка повернулась к ней, улыбнувшись. Махнув рукой, она сказала:

– Нет-нет, ты ведь невеста! Тебе не нужно работать на кухне на следующий же день после свадьбы. Помогать с готовкой сегодня будут женщины клана и жёны работников. Скоро придут первые гости. Жаль, Чинвон сейчас в Большом Доме: она бы всё здесь показала.

– Кто такая Чинвон? – спросила Сонджу.

Вторая Сестра указала подбородком на старшую невестку:

– Её дочь.

Старшая невестка, будто не слыша, безо всякого выражения на лице продолжала ложкой накладывать рис из железного котелка в большую миску.

По дороге к веранде Сонджу увидела мужа Второй Сестры, спускающегося из передней. На нём был костюм в западном стиле – свитер под пиджаком и шерстяные брюки, как носили многие мужчины с современным образованием. Он был выше её мужа и походил лицом на своего отца. Поприветствовав Сонджу, он почтительно ей поклонился и расслабленно направился к мужской половине дома.

Вернувшись в спальню, она задумалась над тем, что семья мужа от неё ожидает. Она никогда не работала на кухне, но уже сейчас было очевидно, что ей придётся быть там со своими невестками. В целом она не возражала: так можно будет заняться хоть чем-то – а ещё это повод избегать мужа, который, казалось, постоянно стремился её схватить. Её размышления прервал шёпот служанки из-за двери: она сказала Сонджу, что её ожидают в гостиной.

Весь день приходили гости. Было много поклонов. Служанки накрывали на стол, гости уходили, служанки убирали со стола и накрывали его снова. Сонджу сидела, держа руки на коленях, опустив глаза, и только произносила обязательные вежливые фразы, когда к ней обращались. Её муж, с другой стороны, всё никак не замолкал:

– Да, я буду работать на правительство после выпуска. Как вы знаете, моя жена из Сеула, и я надеюсь получить там работу. Я буду проектировать дороги и мосты.

Один из гостей кивнул.

– Да, нам нужно больше дорог и мостов. Только подумайте, как изменились наши жизни после строительства Ханганского моста и железной дороги.

Другой гость возразил:

– Японцы пользовались ими, чтобы красть наши ресурсы.

Свёкор сказал:

– Они отбирали наши уголья и наш рис, чтобы кормить своих людей.

Деверь добавил:

– А ещё они забрали наши бесценные реликвии.

– И не только их, – сказал гость, вытянув руку и потрясая указательным пальцем, – лидеры, которых они пытали и убивали, были нашими национальными сокровищами.

Ещё один гость сказал:

– Они отказывались ставить наших людей на высокие должности, – он повернулся к деверю Сонджу и сказал: – Прямо как случилось с тобой. Как только они ушли, тебя сразу повысили до вице-президента в банке.

Сонджу знала, что это правда. Японцы заботились о своих. Они жили отдельно от корейцев. Японская девочка, учившаяся с Сонджу в одном классе – та самая, которая пришла проводить её, прежде чем они с семьёй вернулись в Японию, – всегда уважительно относилась к корейцам и никогда не называла их *чосендзинами*, и всё же она никогда не приглашала Сонджу в гости. Затем Сонджу вспомнила, что эта одноклассница родилась в Корее. Теперь, как и её японская подруга, она стала чужой в собственной стране.

Гости всё ещё разговаривали. Один сказал:

– Японцы ушли, но теперь наша страна разделена на Север и Юг. Мы не просили об этом Советский Союз и Америку. Это *наша* страна.

Потом беседа свернула на тему семьи и земледелия, а Сонджу подумала: их нация должна быть благодарна Америке. Однажды Корея объединится снова, но если бы Япония не сдалась, как долго Корея оставалась бы под её гнётом? Как долго к корейцам бы относились, как к людям второго сорта?

Если бы только Корея переняла у Америки ещё и её прогрессивные взгляды...

Ранним вечером гости ушли, а члены семьи разошлись. Служанки убрали со столов. Когда Сонджу закончила складывать подушки в углу гостиной, служанка привела в переднюю двух маленьких детей. Девочка поймала взгляд Сонджу и подёргала мальчика за руку.

Сонджу вышла во внутренний двор, чтобы познакомиться с ними. С кухни к детям поспешила Вторая Сестра.

– Поклонитесь своей новой тётушке.

Когда они низко поклонились, мальчик взял мать за руку и спрятался за её юбкой, робко оттуда выглядывая.

Сонджу наклонилась, чтобы быть на одном уровне с ним, и спросила:

– Как тебя зовут?

– Мун Чхулджин.

– Сколько тебе лет?

– Четыре.

Сонджу повернулась к девочке:

– Как тебя зовут?

– Мун Чина.

Она показала два маленьких пальчика. Сонджу улыбнулась и кивнула. Вдалеке засвистел поезд. Мальчик, как будто в надежде поймать этот звук, побежал обратно к дому – сестра семенила за ним.

Вторая Сестра сказала:

– Твой муж уедет в воскресенье, чтобы вернуться к учёбе. После этого тут станет потише.

Разве он не должен был сказать ей лично о своём отъезде в воскресенье? Поверх плеча младшей невестки Сонджу увидела высокую девочку-подростка, которая прошла через ворота. У девочки было живое лицо с резкими чертами: прямой узкий нос, пронзительные близко посаженные глаза, тонкие губы.

Она подошла к Сонджу и склонила голову в приветствии.

– Как поживаете, Младшая Тётушка? – затем повернулась ко Второй Сестре. – Я поем и вернусь в Большой Дом.

Значит, это была Чинвон, дочь старшей невестки. Смелая девочка. Вместо того чтобы просить разрешения, она просто объявляла о своих намерениях.

Когда муж Сонджу пришёл в их спальню той ночью, снял одежду и уселся рядом с ней на *йо*, она сказала:

– Сегодня я узнала, что ты возвращаешься в университет в воскресенье. Может быть, ты будешь говорить мне о вещах, касающихся меня, заранее, чтобы я не узнавала о них от кого-то ещё?

Он выключил свет и лёг на *йо*.

– Ты ведь знаешь, что я должен вернуться в университет. Как я и сказал, я постараюсь приезжать домой на выходные.

Что это сейчас было? Она открыла рот, чтобы повторить свою просьбу, но тут он протянул её к себе. Его дыхание и жадное тело снова оказались слишком близко. Где-то вдалеке раздался протяжный скорбный вой – какой-то зверь страдал от боли. Зажмурившись, Сонджу ждала, пока это прекратится. Когда его потное тело наконец скатилось с неё на матрас, она повернулась набок. Вой замолк. Она слушала, как муж храпит. Затем сдвинулась на самый край *йо*, где было прохладнее. Закрыв глаза, она видела перед собой Кунгу: он шёл к ней, и лицо его озарялось улыбкой. Она улыбнулась в ответ.

Третий день брака прошёл точно так же, как и предыдущий: гости приходили и уходили. На четвёртый день, когда ушёл последний гость, Вторая Сестра, вытерев руки об фартук, пришла к Сонджу в комнату:

– Я уже уложила детей. Твой муж сейчас со своим отцом. Мы можем помыться и поболтать в бане.

Сонджу хотела отказаться. Мысль обнажиться перед едва знакомым человеком приносила дискомфорт: даже её родная сестра не видела её без одежды. Но ей хотелось с кем-то поговорить. Так что во влажной жаре бани они избегали смотреть друг на друга, раздеваясь, и в молчании намыливались и ополаскивались. Затем, прикрыв грудь руками, они зашли в горячую воду, которая доходила им до плеч.

После обмена неловкими улыбками младшая невестка спросила:

– Мне нравятся твои волосы. Они от природы такие волнистые?

– Да. Каждый новый учитель обвинял меня в нарушении школьных правил. – Также её обвиняли в тщеславии из-за этой «завивки». – Кстати, – сказала Сонджу, – Первая Сестра к нам не присоединится?

– Нет. Когда я её спрашивала раньше, она только качала головой, так что больше я об этом не заговариваю. Она не очень-то общительная. И не понимает шуток. К тому времени, как я заканчиваю объяснять шутку, она уже перестаёт быть смешной.

Она рассказала о старшей невестке не только это. Свёкор отправил старшую невестку в школу-интернат для девушек через несколько месяцев после свадьбы, чтобы она получила школьное образование. Она вернулась через год, тогда же, когда её муж окончил Сеульский национальный университет. Чинвон родилась ещё спустя год. Работа её мужа требовала много путешествовать по правительственным проектам, и в одной из гостиниц по дороге он подхватил туберкулёз и умер.

– Как долго она была замужем?

– Четыре года. Когда я выходила замуж, она была вдовой уже шесть лет.

– Что её ждёт, учитывая, что она овдовела так рано?

Вторая Сестра вылезла из ванной. Сонджу последовала за ней, забыв даже прикрыть обнажённое тело.

– Она будет растить дочь и проживёт здесь всю свою жизнь.

Пока они по очереди тёрли друг другу спины влажной тряпкой, Сонджу думала: то же самое может случиться и с ней, если она станет вдовой – такова цена замужества. Что-то в ней изменилось от этой мысли. Она почувствовала не страх, но смутную пока решимость.

Сонджу вернулась в спальню и обнаружила своего мужа спящим на *йо* с торчащей из-под одеяла ногой. Она наблюдала за мужчиной, с которым связала её судьба. Возможно, он, как отец, тоже считает важным образование для женщин?

Проснувшись утром, он сказал:

– Ты хорошо спала прошлой ночью. Кажется, ты уже приспособилась к жизни здесь.

– Я ходила в баню со Второй Сестрой. Это помогло расслабиться. А ещё я узнала, что Первая Сестра ходила в школу-интернат после свадьбы, – она улыбнулась. – Я бы хотела поступить в университет.

– Тебе и без университетского образования хорошо, – сказал он пренебрежительно. – Ты уже и так образована лучше, чем большинство женщин. И училась в Женской школе Ихва.

– Речь не о том, хорошо мне или нет. Это то, чего я хочу.

– Говоришь, как Вторая Сестра. Она тоже говорит, что хотела учиться в университете, – он посмотрел на неё и усмехнулся. – Ты теперь замужем, так что брось эти мысли.

Она отвернулась от него, стараясь дышать ровно и глубоко. Как только он вышел из комнаты, Сонджу вышла на веранду с одеялом в руках. Она встряхнула его изо всех сил, затем повторила это действие несколько раз, пока её руки не заболели, а злость не улеглась. Убрав на день матрас и одеяло, она достала свой мыслекамень из сундука и долго тёрла гладкую поверхность, думая о Кунгу.

Несколько минут спустя Вторая Сестра пришла в спальню, улыбаясь, и спросила, есть ли у неё одежда, которую служанкам нужно постирать. Сонджу передала несколько вещей и сказала:

– У нас с тобой есть кое-что общее. Мой муж сказал, ты хотела пойти в университет. Ты всё ещё думаешь об этом?

Та опустила голову. Молчание затянулось, Сонджу пожалела, что спросила. Вторая Сестра медленно подняла лицо, затем посмотрела на Сонджу стеклянными глазами:

– Лучше об этом не думать. Я выиграла стипендию и хотела изучать вышивку в Японии. Я хотела заниматься искусством, – на лице её появилась грустная улыбка. – Я не вышивала с самой свадьбы. Меня постоянно отвлекают.

Сонджу наклонилась к ней.

– Я буду помогать тебе с домом. Может, однажды мы сможем вышить что-нибудь вместе. Я не очень хороша в этом: ты могла бы меня научить.

Служанка объявила, что прибыли гости. Сонджу и её собеседница держались за руки, глядя друг другу в глаза, затем неохотно разъединили руки. Вторая Сестра поспешила на кухню, а Сонджу – в гостиную, чтобы выглядеть достойной невестой в глазах гостей.

В перерыве между гостями Сонджу с мужем возвращались в спальню. Во время одного из таких перерывов он сказал:

– Ты хорошо держишься перед гостями. Они явно тобой впечатлены. И правильно, учитывая, из какой ты семьи.

Он упоминал её семью в каждом разговоре, как она заметила. Она натянуто улыбнулась в ответ. Увидит ли она когда-нибудь в нём то, что могло бы ей понравиться? Она подумала над этим мгновение и решила, что, возможно, не совсем к нему справедлива: в конце концов, она его почти не знает.

Той ночью на *йо* муж схватил её за руку.

– Посиди со мной, – сказал он. – Я не увижу тебя целую неделю.

Когда она села, он притянул её ближе и потёрся бёдрами о её бельё. Она задумчиво посмотрела на него. Не самое плохое лицо. Даже симпатичное, если подумать. Он – её муж: со временем они начнут понимать друг друга лучше, и, возможно, она почувствует к нему что-то иное. Стоит попробовать сделать этот брак лучше для них обоих. Думая об этом, она спросила:

– Мы когда-нибудь станем в браке равными партнёрами?

Он резко поднял голову. Затем спросил со смешком:

– Вот как, значит, думают в Ихве?

Скрывая раздражение и разочарование от необходимости объяснять свою точку зрения, она сказала:

– Я верю, что для семьи лучше, если у женщины и мужчины есть равное право голоса в браке.

– Ты моя жена. Вот кто ты.

Она выпрямилась и с новообретённой осознанностью возразила:

– А ты – мой муж. Если мы не равны, значит, я хуже тебя. Никто не хочет быть хуже другого.

Вместо ответа он попытался уложить её на спину. Она стряхнула его руки, встала и вышла на веранду, чтобы остыть. С самого детства она мечтала однажды сделать для других людей что-то, что существенно улучшит их жизнь. Она верила, что способна на это, и знала, как важно отстаивать своё мнение. Но все эти четыре дня муж только и делал, что принижал её.

Этот брак явно потребует больших усилий.

Холм

На веранде было тихо. Муж Сонджу уехал в Сеул на следующий вечер. В сером вечернем свете Сонджу мерила веранду шагами. Последние шесть дней она была заперта в этом доме с его родственниками, в месте, где она никого не знала. Раньше брак был для неё всего лишь размытой идеей. Теперь она понимала, что ей не стоит терять бдительности, чтобы муж и его семья не поглотили её целиком.

На следующее утро, не зная, чем заняться, она надела одно из платьев в западном стиле, которые привезла с собой, и направилась на кухню – убить время за повседневными, рутинными делами. Остановившись в дверях, она спросила Вторую Сестру, может ли помочь сегодня на кухне.

Вторая Сестра мельком глянула на её платье и продолжила готовить завтрак. Положив на поднос ложку и палочки для еды, она повернулась к Сонджу и улыбнулась.

– Знаю, что ты могла бы сделать. Ты можешь отнести завтрак нашему свёкру. Ему это понравится.

Она снова бросила быстрый взгляд на её платье, доходившее Сонджу до середины икры. Стоило признать: каждая женщина в деревне носила традиционную длинную юбку и верх с длинными рукавами. В прошлом Сонджу надевала традиционную одежду только на особые случаи, когда нужно было встретиться со старшими членами семьи. Она знала, что длинная юбка мешает заниматься повседневными делами.

На следующий день, войдя на кухню, Сонджу заметила, что Вторая Сестра тоже одета в платье в западном стиле и шерстяные чулки. Наверное, это платье было у неё всё это время, просто она не осмеливалась его носить. Сонджу это позабавило, и она решила, что это хороший знак: возможно, она сумеет привнести в этот дом некоторые перемены. Чтобы проверить эту догадку, она спросила буднично:

– Я бы хотела увидеть деревню. Может, прогуляемся завтра?

Вторая Сестра добавила миску риса и подогрела алкоголь на подносе.

– Давай подождём решения свекрови.

Сонджу спрятала улыбку: она знала, что свекровь, услышав о том, что она хочет прогуляться, решит, что её новоявленная невестка, будучи замужем всего шесть дней, уже начинает заявлять о своих правах. И это было уже кое-что.

Кроме прислуживания свёкру, Сонджу было совершенно нечем заняться – разве что приветствовать редких гостей и обедать со Второй Сестрой. Во время одного из таких обедов она узнала, что из трёх служанок одна всё время занималась детьми, а другие две мыли овощи, фрукты и посуду вдобавок к стирке одежды и уборке всего дома. Ещё четверо слуг-мужчин жили в комнатах, выходящих во внешний двор. Трое из них работали в поле с издольщиками. Четвёртый, старый слуга, оставался в доме, чтобы выполнять поручения семьи и заботиться о состоянии дома. В помещениях для слуг имелась маленькая кухня, где служанки готовили для себя и для мужчин. Это не слишком отличалось от того, к чему привыкла Сонджу. У её семьи было только двое слуг и две служанки в доме, поскольку полевые работы выполнялись не в Сеуле.

Вторая Сестра сказала:

– Мы с Первой Сестрой занимаемся в основном готовкой еды и починкой одежды.

– Я не привыкла заниматься ни тем, ни другим, но я научусь, – сказала Сонджу, гадая, чем же они занимаются помимо работы.

Если бы она знала, что здесь не достать книг, то привезла бы их с собой.

Наконец на десятый день брака Вторая Сестра сказала, что свекровь разрешила Сонджу посетить старейшин клана этим утром.

– Нам нужно для этого одеться в традиционную одежду, – сказала Вторая Сестра, – пока деревенские не привыкнут видеть нас в платьях западного кроя.

После завтрака Сонджу в сопровождении Второй Сестры впервые вышла из дома. Посреди внешнего двора она остановилась, чтобы вдохнуть свежего воздуха, пахнувшего холодной землёй – ей нравился этот аромат. В конце двора начинала змеиться красноватая дорога, взбирающаяся на холм, на вершине которого стояли скелеты высоких деревьев – а над ними простиралось бесконечное небо. Когда-то Сонджу верила, что её будущее будет таким же безграничным. Глаза её увлажнились, но она быстро запрокинула голову.

– Только взгляни на это небо. Такое огромное. Думаю, я могла бы стать поэтом.

Она продолжала моргать. Когда глаза высохли, она опустила голову.

– Я не вижу в небе ничего поэтичного, но рада, что видишь ты, – в голосе Второй Сестры слышалась улыбка.

Они спустились по крутому склону справа и прошли вдоль длинного кирпичного забора. Младшая невестка сказала:

– Сначала мы посетим хозяина Большого Дома, главу клана. Он сидел рядом со свёкром на твоей свадьбе.

Она объяснила: у деда их свёкра было трое сыновей. Хозяин Большого Дома – сын первого сына, свёкор – сын второго, соответственно, хозяева Второго Дома и Маленького Дома – сыновья третьего. Примерно тридцать лет назад хозяин Большого Дома оставил фермерские угодья под присмотром своего брата и переехал в Сеул, чтобы следить за образованием сыновей клана. Три года назад, когда муж Сонджу сдал экзамен на поступление в Сеульский национальный университет, хозяин Большого Дома вернулся в Маари.

Снова повернув налево, они вышли ко впечатляющего размера двойным воротам. Пройдя через них, они ступили на каменную тропу, выходящую вдоль склона. На каждом уровне стояли отдельные дом и сад. По широким каменным ступеням они поднялись на самый верх.

Служанка, заведя их приближение, подошла, поклонилась и поспешила в главный дом, чтобы объявить:

– Пришли две госпожи из Второго Дома.

В переднюю вышла жена хозяина. Широко им улыбнулась, приветствуя, и провела на мужскую половину дома, где за низким столом сидел глава клана. Морщины на его лице выдавали хорошую жизнь и спокойный темперамент. За ним висел на стене огромный свиток со стихотворениями, написанными широкими мазками кисти. Каждый предмет обстановки в этой просторной комнате свидетельствовал о не выставляемой напоказ роскоши – ничего блестящего, аляповатого или слишком выделяющегося на общем фоне.

Визит закончился тем, что Сонджу официально признали частью клана.

Сонджу и Вторая Сестра навестили ещё несколько семей, пропустив только самые маленькие дома. На следующий день планировалась прогулка по внутренней части деревни.

Когда они приблизились ко внешнему двору Второго Дома, Сонджу спросила:

– Когда я перестану считаться невестой?

– Когда свекровь разрешит тебе покидать дом без сопровождения.

На следующий день они с Сонджу снова пошли по узкой дорожке из красной глины, но на этот раз свернули налево, пройдя мимо скопления небольших кирпичных домов, затем – дальше по дороге, мимо общественного колодца, где несколько женщин стирали одежду.

В середине хорошо утоптанной дороги они остановились возле плавного склона с двумя дюжинами курганов. На восточной стороне росли старые сосны – их стволы и ветви тянулись к разъеденным временем могилам. Вторая Сестра сказала:

– Эти могилы принадлежат предкам клана. Они поселились здесь около четырёх сотен лет назад.

Предки Сонджу были похоронены на окраине Сеула, но здесь, где мёртвые находились так близко к живым, наверняка имелось немало историй о привидениях в длинных робах, встающих из могил ночами.

Они продолжили прогулку и достигли плато, где десятью метрами ниже, на широком поле, было разбросано несколько одноэтажных современных построек. Младшая невестка указала на них:

– Хозяин Большого Дома приказал построить эту начальную школу. Большинство учителей – дальние родственники клана, или по крови, или через брак.

– Там работают женщины? – спросила Сонджу высоким от волнения голосом.

– Да, две. Но они не отсюда.

В школе кто-то играл на органе. Сонджу посмотрела в том направлении, откуда раздавалась музыка. Сказала:

– Я бы хотела стать учительницей. Но мои родители считали, что работать могут только женщины из бедных семей. И всё же мне хотелось бы преподавать.

Вторая Сестра повернулась и обвела пейзаж перед ними широким жестом:

– Деревня простирается далеко за пределы этих холмов. Большая часть деревенских – наши родственники. Чем ближе они живут к Большому Дому, тем ближе они к ним по крови. Все в деревне знают друг друга, даже те, кто не связан с кланом кровно, так что при появлении чужаков люди начинают волноваться.

Сонджу молчала, заправив непослушную выющую прядь за ухо. Вторая Сестра взглянула на неё.

– Что до твоего желания преподавать... Такие идеи мы, женщины, хороним навсегда, когда выходим замуж, – сказала она, избегая её взгляда. – По крайней мере, здесь.

Они развернулись и без единого слова направились домой.

Справа от них северный край плато нависал прямо над фермерскими полями, отмеченными тропками. На одном участке крестьянин в изношенной одежде возделывал почву: его кожа задубела под суровым солнцем за многие годы, а его послушный бык тянул плуг. Из каминных труб с крыш домов на другой стороне угодий лениво поднимался дым, растворяясь где-то в небе и оставляя после себя запах жжёной соломы. Дыхание Сонджу замедлилось. Она представила, как жила бы в одном из таких домов: безо всяких оград и заборов, которые могли бы её сдержать, без ворот, которые запирали бы её внутри, и отвечала бы только перед самой собой. Здесь она была свободна мечтать, о чём вздумается.

Тем вечером при свисте поезда она направилась на кухню и, поставив на маленький столик еду и чай для двоих, отнесла всё в спальню. Стала ждать. Семья уже поужинала.

Муж пришёл в комнату и спросил, как у неё дела. Она посмотрела на него. Его лицо, его запах, даже его голос всё ещё казались странно чужими. Поставив сумку на пол, он сел за стол. Вытер лицо и руки тёплой влажной тряпицей, которую она положила на поднос. Они тихо поужинали вместе. Затем она выставила столик за дверь, чтобы его забрала служанка.

Она заговорила первой.

– Вчера мы со Второй Сестрой посетили старейшин. А сегодня ходили в деревню. Там много интересного – например, школа для всех детей, независимо от социального статуса...

Он взял книгу из сумки и стал листать страницы.

– Я же с тобой разговариваю, – сказала она.

– Пф! – Не поднимая взгляда от книги, он спросил: – Мне что, каждый раз надо отвечать, когда ты говоришь?

– Да. Тебе бы не понравилось, если бы я тебя игнорировала.

– Но я-то говорю о важных вещах.

– Я тоже говорю о важных вещах – делюсь с тобой своими мыслями и эмоциями.

Он всё ещё смотрел в книгу, а не на неё. Она чувствовала, что не заслуживает такого обращения. «Я же не сказала ничего плохого», – пробормотала она себе под нос.

– Возможно, я тоже иногда нахожу скучным то, что ты мне рассказываешь, – заметила она. – Но я всё равно слушаю, потому что для тебя это важно.

Затем она подошла к сундуку с вещами и достала оттуда потрёпанный англо-корейский словарь с загнутыми уголками страниц и один из журналов *Life*, которые взяла с собой из дома. Пролистала страницы. Мать заставила её выйти за этого человека, и вот как всё обернулось, подумала она с досадой.

– Ты читаешь по-английски?

У неё ушло мгновение, чтобы понять, что вопрос адресован ей.

– Что? Могу ли я читать по-английски?

Не отрывая взгляда от страницы, которую она не читала, она сказала:

– Немного. С помощью словаря. В основном я разглядываю фотографии.

На следующий день её муж сказал племяннице:

– Чинвон, твоя тётя может помочь тебе с английским.

Чинвон уставилась на него ничего не выражающим взглядом. Сонджу хотелось провалиться сквозь землю. Неужели ему так необходимо было похвалиться? Она поспешила на кухню.

Когда он вернулся домой в следующую субботу, она избегала его, по любому поводу уходя на кухню, а когда он уехал снова, испытала облегчение. Каждое утро Сонджу продолжала приносить свёкру завтрак, выполняя свою негласную обязанность. Первая Сестра никогда не обслуживала других членов семьи или гостей: в основном она находилась или на кухне, или у себя в комнате – её было не видно и не слышно.

Однажды днём старшие женщины клана пришли в гости. Сонджу подавала им чай и закуски в гостиной, когда они начали говорить с четырёхлетним сыном Второй Сестры о его новой тёте. Мальчик начал бахвалиться познаниями и скакал вокруг, показывая на Сонджу:

– Ё Сонджу. Ё Сонджу. Её зовут Ё Сонджу!

Когда свекровь отругала его за то, что он называет её по имени, Сонджу пояснила:

– Я сама сказала ему, как меня зовут.

Вторая Сестра, должно быть, услышала, как ругают её сына, и прибежала с кухни. Она попыталась отвлечь его, но он всё не останавливался, пока свекровь не схватила его и не шлёпнула два раза по попе.

– Маленький грубиян, – сказала она. – Ты прекрасно знаешь, что тебе нельзя называть взрослых по имени.

Чхулджин заплакал, и служанка вывела его через ворота.

Когда старейшины ушли, Вторая Сестра проследовала за Сонджу в комнату и сказала:

– Прошу прощения за поведение моего сына.

Сонджу улыбнулась.

– На самом деле было даже приятно вспомнить о временах, когда меня называли по имени.

– Ты скучаешь по дому, да? – спросила Вторая Сестра с сочувствием. – Я навещала свою семью только однажды. Отца арестовали за разногласия с местным японским чиновником, – она наклонила голову на мгновение, прежде чем продолжить. – Вероятно, я ещё не скоро увижу семью. Даже свекровь никогда при мне не навещала родных. А Первая Сестра и вовсе никогда не покидала Маари.

Помедлив, с неубедительной улыбкой она добавила:

– Но какой замужней женщине вообще удаётся часто посещать отчий дом?

Сонджу, впрочем, подумала про себя, что так даже лучше, если ей не позволят навещать семью. Родители всё равно уже бросили её, разве нет? Ненависть к матери вспыхнула с новой силой. Затем она вспомнила, как мать касалась своей нефритовой заколки в определённые моменты жизни, и сердце Сонджу смягчилось.

Сонджу было пятнадцать, когда во время празднования шестидесятилетнего юбилея её бабушки какая-то женщина утянула её в укромную комнату со словами:

– Идём. В такой толпе никто не заметит, что нас нет. Я твоя тётя.

Сонджу никогда не слышала ни о какой тёте.

– Вы сестра моей матери? – спросила она.

Женщина закрыла дверь изнутри и кивнула:

– Да. Посиди со мной немного. Ты так похожа на свою мать... Когда-то мы с ней были близки.

Сонджу взглянула на эту женщину с добрым взглядом и мягким голосом. Она не казалась величественной, как её мать, но всё ещё была элегантна.

– Когда твоей матушке было семнадцать, – начала её тетя, – она должна была выйти замуж за человека из влиятельной семьи, связанной родством с императорским домом. За месяц до свадьбы до её суженого дошёл слух, что я бесплодна. Поскольку он был последним представителем династии, ему требовалась женщина, которая произвела бы на свет много наследников.

При этих словах на её лицо легла тень печали. Она продолжила:

– Хотя Япония к тому моменту уже четырнадцать лет как аннексировала Корею, близость к императорской семье всё ещё многое значила. Больше, чем значит теперь. Отказ от брака принёс нашей семье ужасное горе и унизил твою мать. Много дней она почти ничего не ела. Но один свадебный подарок, лавандовую нефритовую заколку, она всё же оставила себе.

С тех пор Сонджу казалось, что она понимает решение матери оставить заколку. Это было напоминанием о её уязвлённой гордости, укреплявшим её решимость добиться для дочери того, чего она не смогла добиться для себя самой. Часто Сонджу сожалела о том, что порой воспринимала мать такой жестокой и бескомпромиссной, а теперь старалась относиться к ней с пониманием. Но в трудностях своего брака, особенно после неудачных попыток поговорить с мужем, она снова винила мать.

Первые дни весны ознаменовались запахом влажной почвы после дождя. Спустя день или два в саду начала появляться зелень. Вскоре проклюнулись почки на вишнёвых деревьях, в ветвях которых серые птицы с красной грудкой щебетали друг с другом. Пришла весна: время, которое всегда пробуждало в Сонджу что-то беспокойно-радостное.

Она сделала глубокий вдох и сообщила свекрови, что будет на холме возле школы. Свекровь прищурилась, уже готовая возразить, но Сонджу, не дожидаясь ответа, выбежала через ворота – и таким образом объявила, что больше не является невестой.

На холме она смотрела на раскинувшиеся внизу фермерские участки, походившие на лоскутное одеяло. За ними стояли тихие домики с соломенной крышей. Она простояла так полчаса или больше, думая о стройном Кунгу, о его неторопливых жестах и том особом выражении лица, когда он о чём-то ей рассказывал или улыбался, глядя ей в глаза. Сонджу была рада найти это убежище – место, где она могла вдоволь побыть наедине со своими мыслями, не беспокоясь о том, что ей помешают.

Два дня спустя она вернулась на холм после обеда. И снова – ещё три дня спустя. Она приходила через каждые несколько дней, каждый раз ожидая, что свекровь выскажется по этому поводу, но со временем семья к этому просто привыкла.

Горе свекрови

– Вот ты где, – раздался из ниоткуда радостный голос Второй Сестры. – Не знаю, почему мне не приходило в голову прийти сюда раньше.

Она села, подтянув колени к груди и поправив юбку, как будто устраивалась на долгий отдых.

– Итак, – она повернулась к Сонджу с заговорщицкой улыбкой, – что ты думаешь о деревенской жизни?

Сонджу требовалось подбирать слова с осторожностью. Она не так давно стала частью этой семьи.

– Хм-м... Пока не знаю, – ответила она.

– Тут всё совсем не так, как в Сеуле, правда? Я выросла на ферме за городом, так что для меня разница была невелика.

Поколебавшись, Вторая Сестра спросила:

– Почему ты приняла это предложение? Наверняка у тебя были женихи из более влиятельных семей в Сеуле.

Вопрос был ожидаем, так что у Сонджу заранее готов был ответ.

– Я всё откладывала замужество, пока не стало слишком поздно. У моей младшей сестры появился ухажёр. Свадьбу решили играть в апреле, так что мне пришлось выйти замуж раньше, чем мне бы хотелось.

Она сказала себе, что этого достаточно. Не давая Второй Сестре времени придумать ещё один вопрос, она спросила без перехода:

– А ты? Как ты вышла замуж?

– Моему отцу пришло предложение от свахи. После смотрин отец сказал, что это лучший вариант, на который я только могла надеяться. Я не посмела сказать ему, что хотела бы пойти учиться. На своей свадьбе я чувствовала себя коровой, которую тянут силком.

Рутинная замужней женщины началась для Сонджу на следующее утро. Это был день, когда работники отправились обрабатывать и затапливать поля. До начала завтрака две служанки помогали женщинам Второго Дома на кухне. Сонджу нарезала, рубила и мелко крошила ингредиенты для блюд – простейшие задачи, которые, впрочем, всё равно вызывали у неё трудности.

Прибыли рабочие. Они поели на соломенной циновке во дворе и быстро ушли. Обед и ужин отправляли в поле. Весь день у Сонджу не было времени отдохнуть или даже подумать. Той ночью она спала хорошо – её не беспокоили мысли о муже и браке.

Вскоре кухонная работа стала ей более привычна. В перерывах между готовкой она листала журнал *Life*, ища незнакомые английские слова в словаре, чтобы держать себя в форме. Она не забыла о своём желании преподавать.

Когда муж приехал домой на эти выходные, он всё ещё казался ей чужим. Она знала о нём так мало. Возможно, она могла бы найти в нём то, что ей нравится? То, что она сможет в нём уважать? Она спросила:

– Какие у тебя цели в жизни?

– Достичь карьерных высот, – ответил он почти на автомате, как будто это было очевидно.

– И как ты планируешь это сделать?

– Буду знакомиться с нужными людьми, которые мне помогут.

Пытаясь развернуть тему, она спросила:

– Значит, успешная карьера – это твоя единственная цель?

– А что ещё? – Он посмотрел на Сонджу с удивлением, озадаченный её вопросом.

И всё? Кунгу изучал в университете бизнес, чтобы работать в банке и помогать бедным разбираться с кредитами для основания малого бизнеса. Она хотела узнать о своём муже что-нибудь хорошее, но вместо этого только убедилась, что он слишком эгоистичен и поверхностен для того, кто учится в Сеульском национальном университете. Она ничего больше не сказала в тот вечер, но он не заметил её разочарования.

Время от времени она ловила на себе его взгляды.

– Я обожаю тебя, – говорил он ей.

– Посмотрите на неё, разве она не идеальна? – говорил он другим.

Мужчинам клана он хвастался влиятельностью её семьи. Бедняга даже не знал, что это влияние значительно уменьшилось со времён японской оккупации в 1910 году.

В следующий раз, когда он снова сказал, что обожает её, она взглянула на него, силясь найти хоть какие-то лестные слова, и увидела искру в его глазах. Она сказала:

– Мне нравится, как блестят твои глаза, когда ты улыбаешься.

За неделю, пока он отсутствовал дома, Сонджу утешала себя надеждой, что, возможно, у них будут случаться более интересные разговоры, когда он выпустится из университета и получит работу в городе, где они смогут покупать книги и журналы для расширения кругозора. Тогда им будет о чём поговорить. Может, он даже станет более склонен к размышлениям.

Во дворе Вторая Сестра велела служанке отвести детей куда-нибудь поиграть. Вскоре после этого она пришла на веранду и села рядом.

– Выглядишь задумчивой. Трудно освоиться в такой семье, да? – Она протянула руку вперёд. – Я бы хотела уехать отсюда в город. Куда угодно, где я смогу жить просто с мужем и детьми.

Уронив руку на колено, она тяжело вздохнула.

– Знаю, этому не бывать. Свекровь сказала мне, что тело и душа женщины принадлежат семье её мужа, как только она выходит замуж, – она покачала головой. – Всё принадлежит мужу – дети, имущество, решения – всё.

Сонджу подтянула колени к груди.

– Иногда я думаю, что если бы родилась бедной, то могла бы работать, пока не стёрла бы ногти в кровь, чтобы заработать собственные деньги и жить так, как хочу. Нелепо мечтать об этом, да? Жить так, как хочется...

Вторая Сестра поджала губы и сказала:

– Даже мужчины не могут сами выбирать свою жизнь. Они делают то, что велят им родители.

– И всё же у мужчин гораздо больше свободы и привилегий, чем у женщин.

– Это правда, – сказала Вторая Сестра, кивая.

Затем Вторая Сестра рассказала о том, как муж Сонджу постоянно засыпал на уроках, когда был в средней школе, и просыпался от удара кнута: над ним с неодобрением нависал хозяин Большого Дома. Клан очень ревностно относился ко всему, касающемуся семьи, и образование дало новому поколению мужчин возможность выгодно жениться и добиваться уважения в обществе.

– Они верят в хорошие гены. Ты ещё услышишь, как они говорят: «Одна неправильная женщина портит три поколения». Мы с тобой просто соответствуем их требованиям. – Вторая Сестра рассмеялась, но смех этот звучал невесело.

После этого разговора Сонджу стала представлять, как стареет в окружении семьи мужа и становится ещё одной Второй Сестрой. Или, того хуже, Первой Сестрой. Сонджу заметила, что несмотря на свои милые улыбки и вежливые слова на публике, наедине Вторая Сестра вела себя очень оживлённо, особенно когда жаловалась на то, что застряла в этом доме. С другой стороны, Первая Сестра замкнулась в своём молчании, весь день стоя на кухне на одном и том же месте и занимаясь одной и той же работой. Сонджу гадала, всегда ли Первая Сестра

была такой, или её изменила жизнь. К Первой Сестре должны были относиться с уважением, поскольку она была женой первого сына, но этого уважения она не получала. Её почти невозможно было отличить от крестьян или прислуги. Эта угрюмая женщина медленно двигалась, носила невзрачное традиционное платье из муслина, очень редко говорила, и к ней редко обращались.

Иногда Сонджу ловила на себе её взгляды, бросаемые украдкой. Когда их глаза встречались, эта неловкая женщина тут же отворачивалась. Каждый раз Сонджу при этом чувствовала смутный дискомфорт от того, как по-разному с ними в семье обращались.

Однажды, закончив с вечерней работой раньше обычного, Сонджу взяла Первую Сестру за руку и отвела её на веранду.

– Первая Сестра, посиди со мной. Я так мало о тебе знаю. Расскажи о своём муже. Каким он был?

Первая Сестра затеребила свою муслиновую юбку. Опустила голову:

– Гм-м, тут особенно нечего рассказывать...

Она взглянула на Сонджу. Та кивнула, поощряя её продолжить.

– Я не успела хорошо его узнать, – сказала она наконец. – Сразу же после свадьбы... меня на год отправили в школу-интернат в Сеуле.

– Что произошло после твоего возвращения?

– Гм-м... мой муж много путешествовал по работе. Когда он приезжал, его родители... На меня времени не оставалось. Такова уж жизнь в браке. Да, такова...

Она раскачивалась взад-вперёд. Взгляд её бродил вдоль можжевельной изгороди в конце сада.

– Может, всё было бы по-другому... гм-м, если бы я родила сына. Я бы стала частью семьи. А вместо этого... меня называют мужеубийцей. Такова уж моя судьба. Да, такова...

Сонджу ахнула. «Мужеубийца»! Эта смиренная женщина с медленной речью, забитая, всюду чужая, раскачивающаяся во время разговора и всегда глядящая или вниз, или в сторону – и кто-то звал её мужеубийцей! Сонджу переполнила ярость. Затем – тусклая беспомощность и сожаление. Она уставилась на деревянные доски веранды, настолько ошеломлённая, что даже не заметила, как Первая Сестра тихо встала и ушла.

На следующий день Вторая Сестра подтвердила, что это свекровь назвала Первую Сестру «мужеубийцей».

– Я слышала только один раз, но и этого достаточно, чтобы прозвище запомнилось.

После этого Сонджу не хотелось ни с кем разговаривать. Она избегала смотреть на Первую Сестру, потому что чувствовала себя от этого только ещё более беспомощной. И всё стало только хуже, когда однажды она увидела нечто странное и тревожное между Первой Сестрой и её дочерью: Чинвон прошла мимо матери в гостиной, но ни одна из них не поздоровалась. Несколько дней спустя это случилось опять. В следующий раз, оказавшись наедине со Второй Сестрой, Сонджу спросила:

– Почему Первая Сестра и Чинвон ведут себя так, будто не замечают друг друга? У них всегда так было?

Не поднимая взгляда от чеснока, который она давила на разделочной доске тупым концом рукоятки ножа, Вторая Сестра сказала:

– Когда я вышла замуж, Чинвон было восемь. Даже тогда она большую часть времени проводила с бабушкой и дедушкой. Они избаловали её как единственного ребёнка своего первого сына, – счищая чеснок с доски в маленькую миску, она добавила: – Я никогда не видела, чтобы Чинвон просила что-то у матери.

Это всё ещё не объясняло их странное поведение. Сонджу возразила:

– Они ведь спят в одной комнате. Наверняка они говорят друг с другом.

Вторая Сестра повернулась к Сонджу.

– Иногда я слышу, как они разговаривают, но их беседы всегда быстро заканчиваются – короткий вопрос и короткий ответ. Однажды я видела, как Первая Сестра отдала Чинвон тарелку с рисовыми пирожными, которые припасла для неё с обеда. Чинвон взяла тарелку и ушла, не сказав ни слова.

Тёплое апрельское солнце, заливавшее комнату сквозь обклеенные бумагой окна и двери, смягчило настроение Сонджу. Она сидела у стены, сложив руки на колене, и думала о своей сестре, которая уже два дня как была замужем за студентом-медиком из очень влиятельной семьи. Хотя бы одну дочь их мать сумела выдать замуж удачно, подумала она с улыбкой. В тепле она сделалась ленивой и сонной. Она подумывала прилечь подремать, когда в комнату вдруг вошла полная энергии Чинвон.

– Младшая Тётушка, пойдём! – сказала она нетерпеливо.

– Куда?

Сонджу даже не пыталась скрыть своё раздражение. Ей не хотелось пока говорить с Чинвон или свекровью. Они обе были слишком жестоки.

– Увидишь! – Чинвон схватила её за руку, потянула вверх и повела к помещениям для слуг.

– Зачем мы...

Но прежде чем Сонджу успела закончить, они оказались в комнате, где на маленькой скамейке перед ткацким станком сидела свекровь. У Сонджу не было настроения с ней разговаривать.

– Прошу прощения, Матушка. Я помешала вам, – она попыталась уйти, но Чинвон держала её за руку.

Добавив ещё один ряд к ткани, свекровь остановилась.

– Это моя комната досуга. – Повернувшись к Чинвон, она спросила ворчливо: – Чего тебе?

Проигнорировав её, Чинвон взяла две подушки и положила их на пол. Села на одну и показала на другую Сонджу.

– Бабушка, давай расскажем тётушке о нашей семье. Начни с того, как Второй Дядюшка женился, пожалуйста. Я люблю эту историю.

Свекровь хмыкнула и посмотрела на Сонджу.

– Мой старший сын к тому времени уже несколько лет как умер, но мой второй сын, несмотря на возраст, всё продолжал откладывать женитьбу. Наконец он согласился, но с одним условием: он хотел жену издалека, – она повернулась к Сонджу всем корпусом. – Ты уже видела, как выглядит рука моего мужа. Мой сын считал, что это из-за близкородственных браков.

На левой руке свёкра не было пальцев – Сонджу полагала, что это результат какого-то инцидента. Если бы только родители знали об этом пятне на репутации её новой семьи...

Свекровь продолжила:

– Мы с мужем посетили немало мест в поисках подходящей женщины. Каждый раз при возвращении я показывала сыну фотографии молодых женщин, с которыми я встречалась, но он не хотел торопиться. Мы уже начинали уставать от разъездов, и ферма нуждалась в нашем внимании, когда кто-то сказал нам о девушке, живущей недалеко отсюда: нам сказали, что её семья происходит из Северной Кореи.

Чинвон кивнула Сонджу, как будто говоря: «Это моя любимая часть».

– Я показала сыну её фотографию из старшей школы. К моему удивлению, он тут же положил это фото к себе в нагрудный карман, – свекровь улыбнулась, погрузившись в воспоминания.

Чинвон широко улыбнулась:

– Вторая Тётушка говорит, что её муж раньше носил эту фотографию в бумажнике. Она показывала её мне. Кажется, она считает это забавным.

Сонджу решила, что это довольно мило. Чинвон повернулась к бабушке:

– А теперь расскажи о своём замужестве и о твоей семье.

Свекровь широко улыбнулась.

– Мы были бедными. Очень бедными. В день свадьбы в миске с завтраком отражалось моё лицо: мать наливала побольше воды, чтобы превратить ложку ячменя в целое блюдо. Мои братья работали на чужих фермах, вечно голодные. Мы слышали, что молодой мужчина из клана Мун не может найти жену из-за своей руки. Его семья искала здоровую девушку со здоровыми генами. Мои родители сказали, что его деформированная рука не имеет значения, поскольку ему не нужно работать в поле. Я испытала облегчение, когда поняла, что мне и моей семье не придётся больше голодать.

Чинвон помахала рукой, чтобы остановить её:

– А теперь, бабушка, расскажи о своём имени!

– Мой муж научил меня читать и писать. Было нетрудно научиться: я уже хорошо считала.

– Дальше, – Чинвон помахала рукой, потирая её.

– До свадьбы меня звали просто Красавицей. Родители не потрудились дать мне официальное имя, поскольку я родилась девочкой.

Бросив быстрый взгляд на Сонджу, Чинвон сказала:

– Бабушка, расскажи тётушке, почему ты нуждалась в имени.

– Мой муж сказал, что если у меня нет имени, то я как будто и не жила никогда, и что мне нужно имя, чтобы наши дети, внуки и правнуки знали своё наследие, – с широкой улыбкой сказала свекровь. – Он назвал меня Чхусун. Это моё официальное имя.

Похоже, она гордилась наличием официального имени, как будто это было чем-то выдающимся. Сонджу была тронута.

Чинвон воскликнула с наигранным удивлением:

– У неё не было имени! Представляешь, Младшая Тётушка?

Затем она повернулась к бабушке:

– Вот только, бабушка, имя у тебя похоже на мужское. Вот что происходит, когда позволяешь мужчине назвать девушку.

Свекровь одарила Чинвон укоризненным взглядом и повернулась обратно к Сонджу.

– Моя свекровь умерла вскоре после моей свадьбы, так что я стала хозяйкой дома. Я поладила с женщинами клана и управляла многими семейными делами и обязанностями, – она облокотилась на ткацкий станок, мечтательно улыбаясь. – Видела бы ты лицо моего мужа, когда родился наш первый сын. Он так гордился тем, что мальчик здоровый и совершенно нормальный.

– Этот ребёнок был моим отцом, – сказала Чинвон.

Сонджу кивнула. Вторая Сестра уже говорила ей, что некоторые дети свекрови умерли рано. Теперь она гадала, было ли это связано с врождёнными дефектами.

– Как много детей вы родили?

– Семь. Трое умерли в младенчестве. Один ребёнок умер при рождении, другая подавилась сладкой картошкой в три года, третьего нашли мёртвым однажды утром. Ему было всего два месяца, – она кивнула несколько раз. – Но мой первый сын...

Она замолчала и долго смотрела куда-то вдаль невидящим взором. Затем снова повернулась к Сонджу:

– Он всё делал рано – рано начал ходить, говорить, читать. Умнейший мальчик в клане. Он ходил в лучшие школы Сеула, начиная с детского сада, потом поступил в Сеульский национальный университет и получал на работе повышение за повышением, – она будто переживала

эти воспоминания заново. Уголки её губ приподнялись, глаза затуманились. Затем на лицо её легла тень. – В день, когда мой сын – мой исключительный мальчик! – умер, ему было всего двадцать шесть. Мой мир тогда рухнул.

подавив всхлип, она сгорбилась. Выпрямилась снова, но теперь морщины на её лице стали будто глубже под тяжестью потери.

Видя, что смерть сына принесла ей такое горе, теперь Сонджу понимала, почему свекровь так злится на Первую Сестру, пусть даже та была совершенно не виновата. Свекровь продолжила:

– Мой второй сын – старший из выживших. Он всегда был болезненным мальчиком. После физической активности он часто заболел.

Сонджу мягко сказала:

– Сейчас он кажется здоровым.

– Это самое худшее, что только может случиться. Когда ребёнок умирает раньше родителя. Это так неправильно... И я прошла через это уже четыре раза.

Сонджу взяла испещрённые венами руки свекрови в свои и погладила их в утешение.

– Оставьте меня, – сказала свекровь напряжённо.

Чинвон встала.

– Я пойду в Большой Дом. Надеюсь, там будут мальчики из клана.

Сонджу вернулась в комнату, думая о том, как свекровь сейчас плачет в одиночестве. Её сердце переполнилось сочувствием. Сонджу сказала себе: нужно быть к свекрови добрее.

Посев риса, осенний урожай

Вскоре после возвращения в комнату к Сонджу пришла Вторая Сестра.

– Я видела, как вы с Чинвон ходили в комнату досуга свекрови. О чём вы говорили? – спросила она с улыбкой, как будто имела полное право знать всё, что происходит в семье.

На сердце у Сонджу всё ещё было тяжело. Она боялась, что этот разговор чересчур взбудоражит Вторую Сестру, которая часто критиковала свекровь наедине. Она сказала:

– Чинвон убедила бабушку рассказать мне историю семьи. Оказывается, у нашей свекрови не было официального имени.

– Да, я слышала об этом. Всё потому, что она родилась девочкой. И всё же, – Вторая Сестра подняла указательный палец вверх, и Сонджу приготовилась к тому, что сейчас снова начнутся пылки обвинения, – и всё же она говорит Чхулджину прямо перед его сестрой, что он особенный, потому что мальчик, и что однажды он станет главой семьи. Знаешь, почему к женщинам в обществе до сих пор такое отношение? Из-за таких вот свекровей, как наша.

Сонджу сделала глубокий вдох. Как её нейтральная фраза превратилась в очередной повод для Второй Сестры пожаловаться на свекровь? Сонджу поджала губы.

Вторая Сестра поправила юбку, помолчала. Заговорила снова:

– Я не собираюсь заставлять моих детей вступать в брак. Не собираюсь заставлять своего сына и его жену жить с нами. И я не собираюсь поработать свою будущую невестку.

Её лицо раздумянилось от эмоций: она вздёргивала указательный палец в воздух при каждом «не» в своей речи.

Сонджу подождала, пока её щёки снова вернутся к обычному персиковому цвету, и заметила:

– Матушка сказала, что твой муж в детстве много болел. Это правда?

– Да. Хотя сейчас он выглядит здоровым, он не слишком выносливый. После свадьбы Матушка не позволяла нам возлечь с ним около месяца. Она сказала: «С красавицей-женой он слишком переутомится в первую ночь и заболеет». Она учила меня играть в карты по ночам, чтобы развлекать мужа, пока он не уснёт. Я так уставала, что засыпала иногда прямо в разгаре игры. Целый месяц ничего больше между мной и мужем не происходило. В каком-то смысле я была этому рада: к тому времени, как мы консумировали брак, мы успели друг друга узнать.

Сонджу представила, что было бы, если бы её муж тоже не обладал хорошим физическим здоровьем. Тогда у неё тоже был бы целый месяц, чтобы узнать его получше и подготовиться к первой брачной ночи. Иногда она гадала, не повлияла ли эта первая ночь на её восприятие интима. Однажды она попыталась представить Кунгу с ней в постели, когда муж в очередной раз навалился на неё ночью, но в результате только разозлилась на себя – слишком это было неправильно.

В день посева риса женщины Второго Дома и служанки проснулись на рассвете, чтобы наготовить еды. Вскоре внутренний двор заполнили работники, теснившиеся вокруг столов на соломенных циновках в ожидании завтрака. Служанки носили еду с кухни на столы – один поднос за другим. Незадолго до полудня в поля отнесли обед. В следующие три дня работы было всё так же много. На четвёртый день три деревенских женщины пришли на кухню и поместили еду в большие корзины, которые собирались отнести в поле. Поставив корзины на головы, они готовились уйти.

– Хочу пойти за ними, – сказала Сонджу.

Вторая Сестра уставилась на неё в изумлении. Затем усмехнулась.

– Полевая экскурсия?

– Да. Давай я что-нибудь понесу.

Взяв кувшины с водой, Сонджу пошла за женщинами, которые, миновав железную дорогу, вышли к рисовым полям. Женщины общались между собой и смеялись.

– О чём вы смеётесь? – спросила Сонджу.

– О том, что вы, госпожа, говорите так быстро со своим сеульским акцентом, что мы слышим только половину.

– Мне стоит говорить помедленнее?

– Нет. Мы уже начинаем привыкать.

Сонджу посмотрела на их корзины, полные мисок и еды.

– Как вы носите эти корзины на головах?

– Мы носили тяжести на головах с самого детства, – ответила одна из женщин. – Но, госпожа, зачем вам понадобилось в поле с нами?

– Я хочу увидеть рисовую плантацию. На фермерских угодьях моей семьи на окраине Сеула работают доверенные люди, так что я никогда не видела ферму своими глазами. Мой младший брат думал, что рис растёт на деревьях.

Женщины перехватили свои корзины покрепче и расхохотались.

– Рис – на деревьях! – повторяли они и смеялись, пока не достигли полей.

Сонджу смеялась вместе с ними, пока её внимание не привлёк хор голосов: мужчины и женщины стояли рядами на затопленном грязном поле и пели. Они сажали рис в такт песне – не поднимая глаз от семян, с голыми по колено ногами, по щиколотку в воде.

Сонджу с женщинами поставили еду, воду и выпивку на соломенные циновки под одиноким деревом на краю поля. Принесли ещё больше еды. Закончив песню, работники перестали сажать и пришли к циновкам – пахло от них потом и влажной почвой. Они втирали в ноги землю, чтобы отцепить напившихся крови пиявок. Капли крови они вытирали грязными руками. Прежде чем они сели есть, женщины полили им руки водой.

Сонджу смотрела, как после обеда работники возвращаются к посеву. На следующий год эти мужчины и женщины всё так же будут издольщиками и полевыми работниками и всё так же будут делать эту изнурительную работу в том же поле для таких людей, как она, которые не гнули спину и не пачкали рук. И всё же она не видела в их пропитанных солнцем лицах той горечи, которую она бы ощущала на их месте. Их стойкость внушала уважение.

Когда она вернулась на кухню с пустыми кувшинами, Вторая Сестра спросила:

– И что ты увидела?

Сонджу ответила:

– Есть что-то прекрасное в людях, которые не боятся тяжёлой работы.

– Моему мужу понравились бы эти слова. Вы во многом похожи. А вот я – другая.

Показав рукой куда-то за горизонт, Вторая Сестра сказала:

– Если бы я могла, то уехала бы отсюда как можно дальше.

Возможно, она была права насчёт их сходства. Сонджу казалось, что деверя она могла бы понять лучше, чем своего мужа: тот был тихим и вдумчивым человеком, осторожно подбиравшим слова. Однажды она видела, как он достал с антресолей над кухней фарфоровый сервиз периода Корё, поставил его на стол и долго разглядывал, медленно поворачивая каждый предмет с удовлетворённой улыбкой на лице. Сонджу это в нём нравилось – его способность ценить красоту.

Когда её муж пришёл домой, ей не терпелось рассказать ему всё.

– Сегодня я ходила в поле, чтобы посмотреть, как сажают рис. Ты знал, что работники поют, пока трудятся?

Он отвёл взгляд.

– Зачем ты с ними общаешься? Это не...

Это мигом остудило её пыл. Она попыталась оправдаться, презирая необходимость этих объяснений:

– Но ведь твой брат ходит в поле и говорит с издольщиками и работниками. Он рассказывает твоему отцу, сколько работников вам понадобится в этом году, сколько урожая ожидать и по какой цене можно будет продать рис. Я нахожу всё это интересным.

– Мой брат ходит в поле, потому что это его обязанность, – сказал он напряжённо. – А у тебя обязанности другие.

И вот так просто он снова заставил её замолчать. Она задумалась, на какую тему с ним вообще безопасно говорить, но она не собиралась держать свои мысли при себе, только чтобы угодить мужчине, даже если это её муж. Она знала: это не последний её визит в поле.

Меньше чем через два месяца после этого пришли муссонные дожди, принесшие с собой влажную жару. Вся семья вынуждена была сидеть дома. Они двигались как можно меньше, оставались внутри под москитной сеткой и ели простую еду.

Спустя месяц ливни наконец прекратились, а Чинвон вышла из дома со словами:

– Я пойду в Большой Дом, чтобы сделать домашнее задание на лето.

– Домашнее задание? – хмыкнула Вторая Сестра, проводив её взглядом. – Она ненавидит читать. Скорее уж, она пошла играть в карты. Она играет с клановыми мальчишками на деньги и, как я слышала, почти всегда выигрывает.

Сонджу обмахивала веером спящих детей.

– Интересная девочка, – сказала она. – Она делает то, что мы не можем: просто приходит и уходит, когда вздумается.

– Она избалована, – возразила Вторая Сестра.

Сонджу задумалась о том, изменилось ли бы мнение Второй Сестры о семье, если бы ей разрешили уехать из деревни. Одним жарким и ленивым воскресным августовским днём Сонджу проходила мимо гостиной по пути к кухне, но помедлила, когда Чинвон внезапно объявила семье с хитрой улыбкой:

– У меня гениальная идея! Думаю, я буду продавать конфеты.

Чинвон повернулась к мужу Сонджу:

– Младший Дядюшка, привези мне в следующий раз немного конфет, когда приедешь из Сеула, – сморщив нос, она пренебрежительно махнула рукой: – Люди здесь пробовали только дешёвые яркие конфеты. Я велю слуге сделать для меня деревянный поднос, который я повешу на шею, чтобы ходить по всем домам клана и продавать сладости.

Вторая Сестра наблюдала и слушала из кухни. Свекровь погрозила Чинвон пальцем:

– Ничего подобного ты не сделаешь! Мы не торговцы.

Она ушла из комнаты, ворча под нос. Муж Сонджу улыбнулся, а его брат достал бумажник. Чинвон, взяв у него деньги, тоже ушла.

Сонджу проследовала на кухню и присела рядом со Второй Сестрой, которая поливала соевые бобы, прораставшие в лакированном горшке. Она спросила:

– Что Чинвон делает с деньгами?

– Это для меня загадка. Когда эти деньги закончатся, у неё появится ещё одна «гениальная» идея.

– А деньги, выигранные в карты?

– Кажется, она покупает сушёных кальмаров и жареные орехи в деревенском магазине.

– У нас есть магазин?

– Ты ведь видела горбуна, недавно разговаривавшего с Матушкой? Он владеет небольшим магазином рядом со школой. Продаёт закуски, свечи, спички – всякое такое.

Вторая Сестра накрыла глиняный горшок тканью и встала. Сонджу поднялась следом.

– Может, она угощает всех, с кем играет.

– Очень вряд ли. Она не очень-то щедрый человек.

По пути в кухню Сонджу прошептала:

– Только представь, где бы мы были, если бы обладали такой же изобретательностью и силой характера, как Чинвон, чтобы получить желаемое.

Хотелось бы ей только, чтобы Чинвон побольше думала о своей матери.

Сентябрь принёс долгожданную прохладу. Уже больше недели свекровь говорила – достаточно громко, чтобы Сонджу услышала:

– Прошло уже полгода. Достаточно времени, чтобы зачать ребёнка.

Затем она начала каждое утро проводить ритуал сжигания благовоний и вознесения молитв Будде.

Каждый раз, когда Сонджу слышала тихий звон молитвенного колокольчика свекрови, её сердце сжималось. Последние несколько месяцев она много думала о том, не бесплодна ли, как тётя. И теперь, когда свекровь произносила эти слова вслух, вероятность бесплодия казалась всё более реальной. До недавнего времени она полагала, что ребёнок может изменить положение вещей в её браке, однако теперь она хотела ребёнка для себя самой, чтобы любить его и всему обучать. Но что, если она не сможет зачать? Наймут ли её свёкры любовницу для мужа, чтобы завести от неё детей, как это было с её тётей?

Она сбегала на холм. Далеко внизу от того места, где она стояла, ячменное поле волновалось как море и тихо шелестело, когда ветер менял направление. Сонджу представляла другую жизнь, которую могла бы иметь. Однако, вернувшись с холма, она чувствовала себя виноватой: в её фантазиях было так мало мужа и совместной с ним жизни. Иногда она думала, что слишком концентрируется на своих обидах, и пыталась отпустить их, но с каждым новым разочарованием они возвращались. Как, например, в тот день, когда она листала его книги по инженерии, пока он отсутствовал, но нашла их совершенно непонятными. Соскучившись по чтению за время замужества, она попросила его купить ей какие-нибудь книги. Эту просьбу она повторила несколько раз. В конечном итоге она просто перестала об этом напоминать.

За неделю до этого она спросила его, о чём он говорил со своим отцом.

– А, об учёбе и планах на будущее. И о темах, которые всплывают на занятиях, – ответил он.

– Я бы тоже хотела про это послушать, – сказала она.

– Пф! Что за бесполезное любопытство! – сказал он и отвернулся.

В следующий раз, когда он упомянул свои занятия, она спросила, есть ли в его классе женщины.

– Нет. После выпуска мы все будем ходить на стройки, заключать сделки с заказчиками и работниками. Они все мужчины.

Затем он продолжил рассказывать о том, как часто хвалят его преподаватели. Его губы сложились в улыбку, а глаза сияли, когда он сказал:

– Я получу отличные рекомендации от них после выпуска.

Было видно, что он очень собой гордится. Она взглянула на его мальчишеское лицо и сказала:

– Не сомневаюсь. Людям ты нравишься.

– Надеюсь получить работу в Сеуле, – сказал он. – Так я смогу быстрее подняться по службе.

Сонджу поняла: она может ещё вернуться в Сеул, несмотря на желание родителей держать её подальше. Она широко улыбнулась. Они ничего не смогут с этим поделать, потому что теперь она замужем, и это больше не их забота.

Работники срезали стебли серпами и складывали их на ткани, расстеленной во внешнем дворе. После они отделяли зёрна от стеблей молотилками. Зёрна сушили, лутили их, чистили и упаковывали белый рис в пеньковые мешки, складывая их в амбар. Большую часть этих мешков должны были продать.

Луна с каждым днём становилась всё круглее, что означало, что приближался *Чхусок* – праздник, на котором воздавали благодарность за урожай этого года. С полдюжины деревенских женщин пришли помогать женщинам Второго Дома готовить пир. Некоторые работали ночами при лунном свете.

В праздничное утро те же женщины со своими детьми пришли помогать пораньше. Из города начали прибывать на праздник члены клана. В доме было шумно, пахло свежесобранными фруктами и овощами, рисовыми булочками, мясом, рыбой и шипящей на огне курицей. Сначала приготовили подношения духам предков. Семья пиновала в гостиной, а издольщики с детьми – в передней. Маленький сын одного из издольщиков, зажатый между двумя женщинами, быстро сунул два рисовых пирожных в карман, затем воровато огляделся. Сонджу отвела взгляд.

На следующее утро семья отправилась к курганам. Слуга вёз на тележке за собой еду, напитки и циновки. Сонджу, Вторая Сестра и Первая Сестра несли ещё блюда.

Перед могилами родителей свёкра слуга разложил циновку, и три невестки выложили еду и напитки на мраморный столик для подношений. Поклонившись предкам три раза, семья проследовала к могиле первого сына. Пока свёкры Сонджу наблюдали, остальные члены семьи поклонились перед могилой и немного постояли в молчании. Повернувшись, Сонджу увидела, как свекровь промокает слёзы рукавом и улыбается Чхулджину, будущему главе семейства.

После обеда дети выстроились в цепочку в желтоватой траве за кустами, чтобы облегчиться. Свёкор указал на пустые места для могил на склоне холма и сказал второму сыну, что именно там хочет быть похороненным со своей женой. Муж Сонджу пожаловался брату на плохое состояние фамильного кладбища, на что тот отправился в дом смотрителя и вскоре вернулся, кладя обратно в карман бумажник.

Никто не заметил, как Первая Сестра вернулась к могиле своего мужа и стала выдёргивать там сорняки. Сонджу подошла к ней и присела рядом. Одни сорняки выдёргивались легко, с другими пришлось побороться. Упрямые корни сухой, грубой травы сдавались только после того, как Сонджу выдёргивала их вместе с комком земли, и оставляли царапины на руках. Она подумала: воля всех живых существ должна оставаться такой же нестигаемой до самого конца. И ей тоже стоило до конца отстаивать перед матерью свою позицию, подумала Сонджу с сожалением – и перешла к следующему сорняку.

Поездка первой сестры. Осень 1947 года

В следующий понедельник служанки уже качали насосом воду и сортировали одежду для стирки, когда Сонджу пришла на кухню. Там была только Вторая Сестра.

– Где Первая Сестра? – спросила Сонджу. – Кухня без неё выглядит пустой.

– Она поедет на поезде, который отправляется в 7:45, на городской рынок с деревенскими женщинами.

– Первая Сестра – и на рынок? – Взяв ложку, она начала мешать суп с говядиной, который уже закипал. – И зачем ей сопровождение?

– Она не покидала Маари с самого возвращения из школы-интерната. И, кроме того, это подходящая компания для вдовы.

Всё ещё держа ложку, Сонджу шагнула к открытой двери, выгнула шею и проверила время на часах – 7:20. Как раз тогда из своей комнаты вышла Первая Сестра в зелёной блузке и в юбке, которую Сонджу никогда у неё не видела.

– Первая Сестра ходит по гостиной, – сказала Сонджу, положив ложку на кухонную стойку. – А вот и деревенские женщины.

Как только Первая Сестра с женщинами прошли мимо колодца к воротам, Сонджу повернулась ко Второй Сестре:

– Почему так внезапно?

– Я рассказала мужу, что ты сочувствуешь Первой Сестре. Он видел, как ты помогала ей избавляться от сорняков на могиле его брата, – Вторая Сестра наполнила миску горячим рисом и поставила её на поднос. – Иногда нужен взгляд со стороны, чтобы увидеть истинное положение вещей. Они с отцом организовали для неё эту поездку.

«Я бы тоже хотела поехать на городской рынок», – подумала Сонджу.

Когда Первая Сестра вернулась вечером домой, Сонджу спросила её:

– Тебе понравилась поездка? Расскажи, что ты делала в городе.

На лице Первой Сестры впервые за всё время их знакомства промелькнула улыбка.

– Гм-м, мы ходили по рынку, потом пообедали в ресторане, потом остановились в лавке тканей... И мы ходили в общественную баню. Да, так мы и сделали.

Сонджу почти наяву могла ощутить запахи и услышать звуки рынка, который она часто посещала, пока жила в Сеуле.

– Я рада, что у тебя был такой интересный день. Почему бы тебе не отдохнуть? Мы со Второй Сестрой займёмся кухней.

Первая Сестра колебалась.

– Гм-м, но Матушка...

– Я скажу ей, что вытолкала тебя из кухни, если она спросит.

По пути в комнату Первая Сестра помедлила, оглянувшись на Сонджу со странным напряжённым выражением лица: она явно нервничала. Это разбивало Сонджу сердце.

В субботу Сонджу рассказала о поездке Первой Сестры мужу.

– Хорошо, что ей удалось выбраться, правда? Она не выходила за пределы Маари в течение четырнадцати лет.

– Пф! – проворчал он. – Ничего хорошего из этого не выйдет.

Она сердито на него уставилась.

– Неужели ты предпочёл бы, чтобы она безвылазно сидела в деревне? Какая ей здесь радость в жизни?

Он озадаченно на неё посмотрел. Вероятно, голос её прозвучал слишком резко. Прежде чем он успел ответить, она вышла из комнаты, прошла мимо кухни в сад и прислонилась к прохладной стене бани. Они с мужем расстраивали друг друга так часто. Они не были предна-

значены друг для друга. Стареющая луна и россыпь звёзд на небе как будто кивнули в знак согласия.

В первый вторник ноября в дом доставили четырёста кочанов пекинской капусты. Женщины Второго Дома и две служанки засолили их и в течение следующих двух дней фаршировали каждый лист засоленной капусты смесью сладкой рисовой пасты, острого перца, соуса из ферментированных креветок, чеснока и имбиря с тонкими полосками белого редиса. Затем фаршированную капусту отправили в высокие глиняные горшки с толстыми стенками. Слуги закопали горшки в землю рядом с кухней, чтобы кимчи сохранилось в холоде до самой весны.

Два дня спустя Вторую Сестру начало тошнить по утрам, и она сообщила свекрови о своей беременности. Все женщины клана приходили поздравить свекровь. Правда, утренние молитвы не прекратились, вопреки надеждам Сонджу.

Вторая Сестра, страдавшая от тошноты и головокружения, была несчастна. Сонджу умоляла её посидеть в комнате и позволить ей и Первой Сестре заняться кухней, но Вторая Сестра возразила:

– Тогда свекровь будет смотреть на меня с укором. Лениться не положено, пока не умрут оба твоих свёкра.

На следующий день после пятой поездки Первой Сестры в город Сонджу шла навестить хозяйку Большого Дома, когда увидела сопровождавшую Первую Сестру женщину в компании приятельницы. Они болтали и смеялись, показывая на Второй Дом. Увидев Сонджу, женщины пихнули друг друга локтем и резко прекратили беседу, поприветствовав Сонджу с натянутой улыбкой. Вероятно, они говорили о Первой Сестре. Визит Сонджу в Большой Дом был кратким.

Вторая Сестра стояла у колодца, когда вернулась Сонджу.

– Что-то ты быстро, – сказала она.

– Да. Мне нужно кое о чём позаботиться.

В кухне Первой Сестры не было, значит, искать её стоило в другом месте. Она сидела в уголке в своей комнате, аккуратно складывая в стопку чистую одежду. При виде Сонджу в дверях она испуганно встрепенулась. Сонджу села рядом и, не желая тревожить её, заговорила ровным голосом:

– Первая Сестра, по пути в Большой Дом я встретила твою сопровождающую, она говорила с другой деревенской женщиной. Из их поведения я сделала вывод, что они сплетничали о тебе. Ты не знаешь, почему?

Первая Сестра со страхом уставилась на Сонджу, широко распахнув глаза. Затем кивнула и дрожащим голосом сообщила, что встретила на рынке мужчину, и они планировали сбежать вместе. Внезапно она начала плакать, раскачиваясь взад-вперёд и пытаясь заглушить свои всхлипывания, закрыв себе рот рукой. Затем, взяв себя в руки, она взглянула на Сонджу.

– Я должна воспользоваться этим шансом! Это возможность уехать, понимаешь?

Она закрыла лицо руками и всхлипнула снова. Потом опустила взгляд и произнесла смиренно:

– Наверное, я много грешила... в прошлой жизни... чтобы заслужить всё это несчастье. Да, наверное, так и было. Я живу только потому, что не умерла...

Последние слова пронзили грудь Сонджу невыносимой грустью. Закрыв лицо, она тихо плакала вместе с Первой Сестрой. Нужно помочь Первой Сестре с этим отчаянным побегом, подумала она, вытирая лицо рукавом.

– Где этот мужчина ждёт и где вы будете жить?

– Гм-м, если я сумею сбежать... – Первая Сестра снова начала раскачиваться. – Он остановился в хижине возле рынка. Мы планировали жить в небольшой рыбацкой деревушке в провинции Чолладо.

– Я постараюсь тебе помочь, – сказала Сонджу и, покинув Первую Сестру, которая снова начала плакать, направилась напрямик к свёкру.

Когда Сонджу рассказала ему о Первой Сестре, он уставился на неё, лишившись дара речи. Она сказала:

– Этот мужчина может явиться за ней, и если вы попытаетесь его остановить, то кто-то может пострадать. Это запятнает репутацию семьи. Сопровождающая уже начала пускать слухи. Прошу, просто позвольте ей уйти, не заставляйте её сбегать тайком.

Свёкор отвёл взгляд. Ни одного из сыновей не было дома. Он поблагодарил Сонджу за то, что она сообщила ему, и велел:

– Пусть она не выходит из комнаты до своего отбытия сегодня ночью.

Покидая мужскую половину дома, она слышала, как свёкор позвал старого слугу. Вернувшись в комнату к Первой Сестре, она сказала ей приготовиться уходить сегодня ночью и оставаться в комнате, пока за ней не придут. Первая Сестра ахнула, прикрыв рот рукой, и благодарно улыбнулась Сонджу, глядя на неё влажными от слёз глазами. Сонджу уверенно посмотрела на неё в ответ и сказала:

– Надеюсь, у тебя будет хорошая жизнь, которая компенсирует все эти годы.

Когда она вошла на кухню, Вторая Сестра спросила:

– Я видела, как ты ходила к Первой Сестре, а потом на мужскую половину дома. Что случилось?

Сонджу рассказала ей. Та потрясённо ахнула.

– Она нашла мужчину, с которым собирается сбежать? Это так... даже не знаю, как сказать, – глядя на миску в своих руках, она пробормотала: – ...так для неё нехарактерно.

– Первая Сестра будет у себя в комнате, пока не уйдёт. Никому, кроме Чинвон, нельзя туда заходить. Пусть служанка принесет ужин к ней в комнату.

Прошло около минуты. Вторая Сестра поставила миску на стойку и сказала:

– Не знаю, чего теперь ждать, когда Первая Сестра уйдёт. Как отреагирует Матушка?

Сонджу не ответила. Всё происходило так быстро. Первая Сестра уедет. Всё должно пройти идеально.

Той ночью Сонджу лежала на *йо* неподвижно, не в силах уснуть. Она услышала тихие шаги. Встала, чтобы подглядеть через щель в окне, и увидела три тёмных силуэта, направлявшихся к воротам – Первая Сестра, её сопровождающая из деревни и слуга. Сонджу моргнула, чтобы зрение прояснилось. Уголки её губ невольно сложились в улыбку. Она беззвучно всплеснула руками. Каково это – уйти отсюда? Просто уйти и начать с чистого листа? Представить только! Сонджу наблюдала за силуэтами, пока не услышала, как за ними закрылись ворота.

Ещё несколько дней Сонджу размышляла о словах Первой Сестры. О её улыбке сквозь слёзы, о том, как она раскачивалась, пока говорила. О том, как три фигуры скрылись за воротами в темноте. Украдкой Сонджу наблюдала за Чинвон, надеясь, что та сделает хоть что-то – разобьёт что-нибудь, заплачет или закричит. Что мать и дочь сказали друг другу в их последнюю ночь вместе?

Рассказывать мужу о Первой Сестре, когда он вернулся домой в ту субботу, ей не пришлось. Ещё до ужина он произнёс:

– Отец рассказал мне, что ты помогла ей уйти.

Было неясно, как он это воспринял. Решив, что чем меньше она скажет, тем лучше, Сонджу коротко подтвердила:

– Да, – и ничего больше не добавила.

Он никак это не прокомментировал. Люди в деревне немного посплетничали о случившемся, но очень скоро забыли об этом и продолжили жить своей жизнью.

Две недели спустя в доме совершенно внезапно раздался высокий голос Чинвон – она пела так, как будто звуки сами рвались у неё из горла. Она так и не сказала ни слова насчёт

своей матери. Вероятно, так она справлялась с потерей, предположила Сонджу. Должно быть, Чинвон испытывала очень смешанные чувства по этому поводу, особенно учитывая, как она игнорировала мать раньше. Но она всё ещё была ребёнком, потерявшим мать, а потому Сонджу испытывала к этой девочке, теперь практически осиротевшей, сочувствие и нежность.

Мало что изменилось во Втором Доме после ухода Первой Сестры, кроме общей атмосферы. Вопреки опасениям Второй Сестры, свекровь вела себя точно так же. На кухне без одной пары рук прибавилось работы. Не улучшало ситуацию и то, что Вторую Сестру продолжало тошнить по утрам. Она почти ничего не ела и говорила:

– У меня шатаются все зубы. Во время обеих прошлых беременностей было так же. И это ещё не всё. Чхулджин и Чина оба родились ягодицами вперёд, и воды у меня отошли задолго до начала родов.

Это звучало так серьёзно, что Сонджу начала опасаться, что с беременностью что-то не так – или, того хуже, с самой Второй Сестрой. Семье понадобится дополнительная помощь на кухне очень скоро. Она покатила в руке невидимый мыслекамень.

Вторая Сестра теряла вес, сколько бы ни заставляла себя есть. Еда просто не задерживалась в её организме.

В декабре муж Сонджу сказал с унылым видом:

– Я надеялся на должность в Сеуле, но с февраля я начну работать в Пусане.

Она попыталась поднять ему настроение:

– Это же всё ещё хорошо, разве нет? Второй по величине город.

– Это может замедлить моё продвижение. – Не глядя на неё, он добавил: – Я навестил твоего отца. Думал, он захочет, чтобы мы переехали в Сеул.

– Что ты ему сказал?

– Сказал, что я был бы благодарен ему за помощь с работой в Сеуле.

– И что он ответил?

– Он был не слишком-то рад. Сказал, что ты всегда гордилась тяжёлой работой. Что он имел в виду? – На этот раз он всё же взглянул на неё.

– Я не знаю.

Но она догадывалась.

Её муж разочаровал её отца, попытавшись воспользоваться его влиянием. Или, возможно, отец знал, что Сонджу ещё рано возвращаться в Сеул, по мнению матери. Возможно, они никогда не захотят её возвращения, пока в Сеуле находится Кунгу. И хотя она знала, что они не смогут удержать её от переезда, если её муж получит там работу своими силами, в лицо ей бросился жар. Подавив гнев, она взяла мужа за руку.

– Ты преуспеешь и без его помощи.

Сонджу понимала: он просто пытался найти свой путь в этом мире. Как и она сама. Она последует за ним в Пусан и поможет ему достичь того, что он желает. Он хотел простых вещей – стать чиновником, как он говорил много раз. Большая часть больших частных компаний управлялась другими семьями, где он никогда не сможет подняться так высоко, как в правительстве. Со временем она поняла: он хотел доказать, что достойнее своего брата. Чего ещё он мог желать и на что мог надеяться? Он не принимал в семье никаких решений, фамильные земли тоже ему не принадлежали. Той ночью она держала мужа в объятиях, прижав к своей груди, и слушала, как бьётся его сердце.

На следующий день, проводив мужа, Сонджу вернулась на кухню и приготовила поднос с ячменным чаем и сладкие рисовые пирожные, которые собиралась отнести к себе в комнату. Она привыкла наслаждаться временем наедине с собой после нелёгких выходных с мужем. Так что она ощутила раздражение, когда на кухне появилась Чинвон, взглянула на поднос и поставила на него ещё одну чашку. Без единого слова Сонджу направилась в комнату – Чинвон

следовала в двух шагах позади, как ребёнок. Ребёнок, потерявший мать всего месяц назад. Сонджу немного смягчилась.

– О чём ты хочешь поговорить? – спросила она, опуская поднос на пол.

Чинвон взяла пирожное и съела его, как голодная шимпанзе.

– О моём прапрадедушке... – она налила чай в чашку и глотнула его. – Видишь ли, спустя какое-то время после смерти своей жены он отправился на хлопковое поле и увидел там молодую вдову, – она съела ещё одно пирожное. – Он построил небольшой дом и передал обязанности по хозяйству моим прадедушке и прабабушке. Затем он послал слуг в дом вдовы. Они набросили ей на голову мешок и привели её в этот новый дом, чтобы она стала его второй женой.

Сонджу налила чай себе и сделала глоток.

– Он похитил её? Почему он просто не попросил её руки?

– Чтобы спасти её репутацию. Видишь ли, идея была в том, что она – добродетельная женщина и что у неё нет выбора, кроме как выйти за своего похитителя, – Чинвон ухмыльнулась.

– А, понимаю, – Сонджу съела одно пирожное и подтолкнула оставшееся к Чинвон. Та взяла его и съела в два укуса. – Откуда ты всё это знаешь?

– Люди говорят, – Чинвон выпила свой чай залпом. – У дедушки была сестра, которая родилась с искривлённым позвоночником. Всю жизнь она прожила, согнувшись, и ходила вот так.

Чинвон поднялась с пола и прошлась по комнате, сильно согнув колени и размахивая руками. Разумеется, Чинвон не могла сама этого видеть, но у Сонджу всё равно невольно перехватило дыхание. Сперва рука без пальцев у свёкра, а теперь ещё и это. Чинвон села обратно.

– Мой прадед выдал её замуж за бедняка и дал ему землю в приданое. Она умерла в родах.

Той ночью во сне Сонджу нянчила ребёнка странной формы. У него были лягушачьи лапы с четырьмя пальцами и задние ноги с человеческими ступнями. Ребёнок повернул к ней своё милое личико, глядя на неё так, словно смотрел в самую душу. Затем он позвал: «Мама! Мама!» – и стал царапать её грудь тремя острыми когтями на передней лягушачьей ноге. Капли крови образовали три красных линии на её груди. Сонджу перехватила эти когти. Она проснулась, цепляясь за *йо*.

Яркий образ ребёнка с когтями преследовал Сонджу весь день. В животе тяжестью осел страх. Но следующим утром она увидела за окном выпавший за ночь снег: яркое солнце сверкало на ровном белом покрывале, никем ещё не потревоженном. Глаза отдыхали. Ни единый звук не нарушал тишину. Сонджу забыла о кошмаре. Забыла о трёх последних месяцах, когда из-за забот и хлопот некогда было вздохнуть. Она всё смотрела на белый пейзаж перед глазами и вдыхала прохладный чистый воздух.

Вероятно, это и было счастье.

На следующей неделе муж удивил её журналом *Life*, которому было всего два месяца: букинистические магазины получали эти журналы напрямую от американцев в Сеуле. Она как раз радовалась такому продуманному подарку, когда в комнату вошла Вторая Сестра, уронив перед ней корзину с одеждой для починки – одежда при этом подпрыгнула. Вторая Сестра тяжело опустилась на подушку.

– Я обречена здесь состариться.

Сонджу взяла из корзины пару штанов и вдела иголку в нитку.

– С чего ты взяла?

– Муж отклонил предложение переехать в Сеул по работе. Снова, – Вторая Сестра скривила губы. – Он хочет остаться поближе к родителям – ну, ты знаешь, долг первого сына и всё такое прочее.

Она взяла носок и яростно швырнула его обратно в корзину.

– Я устала жить с его родителями! Первая Сестра ушла. Ты тоже скоро уедешь. А я останусь здесь со свекровью в одиночестве.

Сонджу подумала: вероятно, ей стоит остаться. Но когда её муж получит работу в Пусане, она собиралась присоединиться к нему и помогать ему с карьерой. Она не предложила остаться, чувствуя себя законченной эгоисткой. Они сосредоточились на шитье на две минуты, может, на пять. Чинвон пела *O Sole Mio* где-то поблизости. Сонджу сказала:

– Мне нравится эта песня.

Вторая Сестра ничего не ответила. Они продолжили шить в тишине. Сонджу чувствовала себя виноватой, но её муж тоже в ней нуждался. Когда с шитьём было закончено, Вторая Сестра взяла корзину и молча вышла из комнаты.

Ещё несколько дней они почти не разговаривали: Сонджу боялась, что расстроила Вторую Сестру, не предложив остаться хотя бы до её родов. Вместо этого она сосредоточилась на том, чтобы переехать в Пусан к февралю вместе с мужем. Иногда её посещали тревожные мысли. Прошло уже девять месяцев, а беременность всё так и не наступала.

Первые выборы. Май 1948 года

Каждое утро из комнаты свекрови раздавался звон молитвенного колокольчика и запах благовоний. Сонджу всё больше размышляла о своей бесплодной тёте.

В феврале, за неделю до окончания её мужем университета, свекровь позвала Сонджу в свою комнату рано утром и сказала:

– У твоей невестки возможны осложнения во время беременности, поэтому ты пока остаешься здесь, в Маари. Твой муж согласен с этим.

Сонджу вернулась к себе и вышла на веранду. Холодный утренний воздух пробирал до самых костей. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула, глядя, как дыхание превращается в белый пар, растворяющийся в воздухе. Она бы согласилась сама, если бы её попросили остаться, но почему муж даже не обсудил это с ней? Уж он-то как никто другой должен был понимать, как это раздражает, когда все решения в семье принимаются без тебя. Неужели все годы брака будут похожи на этот? Она закрыла глаза. Когда-то у неё был тот, кто ценил и любил её. Может быть, этого достаточно. Это уже больше, чем есть у большинства женщин.

Войдя в комнату, Сонджу закрыла дверь за собой. Пришла Вторая Сестра. Она выглядела расстроенной.

– Я не просила свекровь оставить тебя здесь, – сообщила она.

– Конечно, я останусь.

– Она могла нанять ещё одну служанку после ухода Первой Сестры. Я знаю, что она делает.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты здесь застряла надолго, поверь мне.

С этими словами Вторая Сестра ушла.

Ещё несколько дней Вторая Сестра даже не улыбалась. Сонджу не спрашивала её больше, что она имела в виду по поводу намерений свекрови, и не стала утруждать себя спрашивать о произошедшем мужа, когда он приехал домой на выходные. Такое уже случалось прежде.

После недели в Пусане муж приехал домой с гордым видом, поскольку был теперь финансово независим. Он даже сказал, что будет давать ей деньги каждый месяц. Той ночью, лёжа к мужу лицом, она придвинулась ближе и спросила:

– Чем ты занимаешься на работе?

– В данный момент меня обучают на младшего инженера. Я изучаю планы, хожу на стройки с моим начальником, инспектирую материалы и наблюдаю, как начальник проводит сделки с рабочими.

– Звучит интересно. Я бы тоже хотела однажды устроиться на работу.

Как только она сказала это, то сразу же поняла: зря. Он отмахнулся от неё:

– У тебя будет полно работы здесь. Рожать детей и воспитывать их.

Ох уж эти его язвительные комментарии! Ну и ладно. Она отодвинулась от него обратно.

– Что будет, если я не смогу иметь детей? Твои родители наймут для тебя любовницу? Это противоречит моим понятиям о браке, но если они это сделают, то я уеду в Сеул и найду там работу.

Он отвернулся от неё и натянул одеяло до самой шеи.

Наступил второй май в Маари для Сонджу, а беременность всё не наступала. Она постоянно беспокоилась. Звон молитвенного колокольчика с каждым разом казался всё громче, и Сонджу всё никак не могла выбросить из головы образ своей бесплодной тёти, живущей с мужем, его любовницей и их детьми под одной крышей. «Динь-динь-динь», – она имитировала звук молитвенного колокольчика, когда на кухню заглянул старый слуга, сообщивший, что

приехал политик с ассистентами и они собирают деревенских возле железнодорожной станции. Он спросил, можно ли ему пойти туда, чтобы бесплатно выпить. Когда Сонджу и Вторая Сестра кивнули, он ушёл. Высыпая рис в миску, Сонджу слышала неразборчивые отрывки речи, читаемой в микрофон вдалеке. Полчаса спустя счастливый слуга вернулся с красным лицом – дыхание его пахло дешёвым алкоголем. Он вручил Сонджу две листовки, каждая – с большой чёрно-белой фотографией. Она посмотрела на фото и спросила слугу:

– Кто из них произносил речь?

– Не знаю.

В день первых общенародных выборов в национальной истории на должность представителей новой республики Сонджу спешила приготовить завтрак пораньше, чтобы пойти проголосовать. Она посмотрела на листовки снова и спросила Вторую Сестру:

– Я знаю, за кого проголосую, но за кого, по-твоему, будет голосовать большинство местных?

Вторая Сестра дотронулась до своего большого живота, другой рукой помешивая ложкой кипящий суп.

– За того, кто предоставил бесплатную выпивку... – она положила ложку на стойку. – У меня только что отошли воды.

На полу под ней образовалась большая лужа.

– Скорее! Присмотрите за супом! – крикнула Сонджу служанке у колодца. – Осторожно, на полу вода!

Она проводила Вторую Сестру до её комнаты и по пути громко объявила закрытой двери:

– Матушка, роды начались!

Другая служанка поспешила в комнату Второй Сестры, расстелила на полу *йо* и ушла. Вторая Сестра показала на шкаф:

– Подгузники.

Сонджу достала сразу дюжину из стопки. Служанка принесла таз с чистой водой.

Два часа спустя у Второй Сестры начались схватки. Её мужу отправили телеграмму. Пришли деревенский доктор и медсестра. Через шесть часов схваток Вторая Сестра, вся вспотевшая и красная от усилий, до побелевших костяшек вцеплявшаяся в руку Сонджу, родила ребёнка. Когда ей сказали, что это девочка, Вторая Сестра закрыла глаза и застонала. Медсестра шлёпнула младенца пониже спины: раздался громкий плач.

Девочку омыли и вернули матери, уже чистую и завернутую в хлопковую ткань.

– Самые лёгкие мои роды. На этот раз ребёнок вышел головой вперёд, как положено.

В комнату зашла свекровь. Приподняла ткань на ребёнке, заглянула под неё, молча развернулась и ушла.

В глазах у Второй Сестры стояли слёзы. Сонджу подумала: несмотря на все свои жалобы на особое отношение свекрови к мальчикам и несмотря на все свои заявления о том, что с собственной невесткой она так не поступит, Вторая Сестра была безнадежно пассивной личностью. Сонджу хотела бы, чтобы она, по крайней мере, вытерла слёзы.

Приехал муж Второй Сестры. Он поблагодарил Сонджу и улыбнулся жене. Сонджу поняла: она ошибалась насчёт того, что Корея не подвержена переменам. Этот мужчина пришёл к жене, чтобы провести её и новорождённого младенца, и наблюдал, как девочка, зевая, дёргает ручками и ножками.

– Ребёнок здоров, – сообщил он жене.

Вторая Сестра взглянула на него и вздохнула:

– Ещё одна девочка.

Он улыбнулся ей:

– Всё в порядке.

Когда он ушёл, Сонджу попросила:

– Дай мне подержать ребёнка.

Девочка была такая лёгкая! Сонджу вдохнула её молочный запах и заворковала с ней:

– Ты первая из родившихся в этой семье после окончания японской оккупации. И ты родилась в важный день: десятое мая 1948 года, первые общенародные выборы в Национальное собрание Республики Корея. Через три года после ухода японцев наша страна наконец стала полноценной независимой республикой! Какие же у тебя планы на будущее?

Вечером Сонджу увидела соломенную верёвку, свисающую над двойными воротами – так объявляли о рождении ребёнка. В узлах верёвки торчали угольки с регулярными интервалами, чтобы отогнать злых духов. Когда роды только начались, в ожидании мальчика свекровь велела слуге вставить высушенный красный перец в петлю между уголками. После родов она велела убрать все перцы, прежде чем повесить верёвку. Через три дня верёвку сняли. После традиционного месяца отдыха с ребёнком в комнате Вторая Сестра вернулась на кухню, возобновляя свою обычную работу.

Девочка была здоровая, крепкая, плакала громко и часто. Свёкры жаловались. Вторая Сестра поджимала губы и говорила:

– Они бы не жаловались, если бы это был мальчик.

Только через три месяца младенец успокоился. Тогда в комнату Второй Сестры пришла Чинвон, чтобы снова взглянуть на ребёнка. Сонджу подвинулась, позволяя ей сесть поближе к младенцу.

– Чинвон, смотри, какая она уже большая.

Чинвон внимательно посмотрела на ребёнка. Затем повернулась ко Второй Сестре:

– Я слышала, младенцы растут быстро, но прошло три месяца, а она всё такая же уродливая. Не говори никому, что она твоя.

Вторая Сестра криво улыбнулась, как будто оскорблённая этим, но, как ни странно, сказала только:

– Зато смотри, как сияют её глаза.

Тогда Сонджу поняла: эта девочка, которую родители называли Чинджин, вырастет, зная, что она особенная. Пусть даже её бабушка будет считать иначе, лишь потому, что она – не мальчик.

К сентябрю, на восемнадцатом месяце брака, Сонджу была уверена, что забеременела. Она легко уставала. Грудь стала тяжелее. Соски стали темнее и чувствительнее. Меньше чем через десять минут после того, как ей сообщили новость, свекровь вышла за ворота, покачивая бёдрами. К вечеру уже все в клане знали о беременности Сонджу, и многие женщины приходили пожелать ей здорового мальчика.

Несколько дней спустя Сонджу вошла в комнату досуга свекрови и подождала, пока та закончит последний ряд вязания и повернётся к ней. Сонджу сказала:

– Я хочу спросить о сестре вашего мужа. Насколько серьёзен был её врождённый дефект?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.